

Глава 15

Лавка древностей

Первое, что увидел Саров, открыв глаза, была шкатулка, шкатулка красного дерева. Она стояла на столе, матово поблескивая врезным латунным замком. Саров рывком поднялся, рванулся к шкатулке, откинул крышу. Шкатулка была заполнена бумагами, сверху лежала рукопись Марка Твена. «Уф, — облегченно выдохнул Саров и тут же остановился в недоумении: — Что это со мной? Чего это я так испугался? Куда могла деться шкатулка и тем более бумаги? Такие шкатулки не пропадают». От последних слов опять что-то замкнуло в голове, и Саров принялся тревожно оглядываться. Он подошел к двери, прислушался. Тишина. Распахнул дверь. Никого. «Хозяйка, похоже, еще спит», — подумал он. Мысль о Фрэнсис вернула его на землю. Он встряхнулся, тихо рассмеялся сам над собой и своими непонятно откуда взявшимися страхами и отправился в душ.

Когда он после душа вышел в коридор, снизу донеслись какие-то тихие звуки, смесь шипения, звяканья и звона.

— Фрэнсис? — крикнул Саров.

— Доброе утро, Пьётр, — крикнула в ответ Фрэнсис, — завтрак будет через пятнадцать минут. Если вам нужен Интернет, то у меня вай-фай.

— О! Отлично!¹

¹ Wow! Fine!

— Классно у вас получилось!

— Я спущусь через пятнадцать минут.

Он с удовольствием спустился бы немедленно, но если хозяйка говорит: через пятнадцать минут, значит, так надо. Сюрприз какой-нибудь кулинарный готовит или глаза не успела подмазать, да мало ли какие причины у них, женщин, могут быть. Смирись, принимай как данность. Чем заполнить пятнадцать минут? Упоминание об Интернете пришлось как нельзя кстати. Надо посмотреть погоду, ведь сегодня гнать обратно, хорошо бы не под дождем. Да и почтовый ящик надо проверить.

Два письма. Первое от Таньки.

«Peten'ka, u menya tyazhelo na dushe, takoe chuvstvo, chto mi navek rasstalis..., chto mi nikogda bol'she ne uvidimsya. Ne derzhi na menya zla. Tak poluchilos... Spasibo za vcherashnii den', ti lutche vseh. Ya budu rasskazivat... Romiku, kakoi ti horoshii. Tzeluyu».

Прочитав письмо, Саров не умилился, не проследил, не задумался и даже не потрудился ответить. А то он Таньку не знал, у нее настроение ходило по синусоиде, от -1 до $+1$. Сейчас у нее позитивный минус — это определение Саров придумал еще во время их совместной жизни, очень ему нравился собственный каламбур, а в нынешних обстоятельствах и состояние Танькино ему вполне нравилось, пусть пребывает в нем подольше, он не будет его сбивать всякими там письмами.

Саров открыл следующее письмо.

«Всем, кого это касается.

С удовольствием сообщаем, что в Колорадо-Спрингс возобновил работу частный музей-лаборатория Николы Теслы. Экспозиция значительно расширена и дополнена личными вещами великого мыслителя и созданными им устройствами, относящимися ко всем периодам его жизни.

Смотритель музея-лаборатории Сэм Шитовски

Вход свободный!

Вход не для всех!»

И мелким шрифтом: схема проезда прилагается.

«Нас это немного касается», — подумал Саров и посмотрел на адрес отправителя. Teslamuseum@yahoo.com. «У них что, нет собственного сайта?» — удивился Саров и перевел взгляд на следующую строчку. Там шел перечень адресов, куда было разослано письмо. Перечень не так чтобы очень длинный, с некоторыми адресатами Саров был заочно, по переписке, знаком — серьезные исследователи наследия Теслы. Кстати, о наследии, подумал Саров и еще раз пробежал глазами перечень — адреса «Наследников Теслы» не было. Это сразу расположило Сарова к смотрителю музея. К Сэму Шитовски. Интересная фамилия, промелькнула мысль. И тут же накатили следующие: может быть съездить? Когда еще выберусь? А тут недалеко, по американским и русским понятиям. И ведь давно хотел съездить. Понятно, что за век с лишним все изменилось до неузнаваемости, но ведь горы-то остались. И вообще, всегда полезно побывать на месте событий, пусть и очень старых. Как-то сразу по-другому начинаешь воспринимать эти события. Я сам себя убеждаю, усмехнулся Саров,

зачем? И в чем? Нет чтобы просто написать письмо. А как ответит, именно что не когда или если, а как ответит, так и тогда решать будем. Так думал Саров, а пальцы сами печатали текст письма.

«Дорогой мистер Шитовски,
признателен за то, что вы известили меня в числе других поклонников таланта Николая Теслы о возобновлении работы музея-лаборатории. К моему стыду, я не знал раньше о его существовании, в противном случае я бы непременно сам разыскал вас. По счастливой случайности я нахожусь неподалеку от Колорадо-Спрингс и с огромным удовольствием посещу ваш музей.

*Искренне ваш,
Питер Саров»*

Опять — по счастливой случайности, усмехнулся Саров. Что ж, случайность, похоже, действительно может оказаться счастливой, подумал он, заслышав голос Фрэнсис: «Пьётр, все готово! Спускайтесь!» Он отправил письмо и поспешил вниз.

Сюрприз был. Он находился на большой плоской тарелке, стоявшей посреди стола. Сверху он был прикрыт салфеткой, по фактуре ткани — льняной, расшитой по краям незамысловатым красным узором. И еще он восхитительно пах, чем-то давно забытым, от чего в буквальном смысле потекли слюнки.

— Не знаю, понравится ли вам, — сказала Фрэнсис, — я это в первый раз сделала. Я небольшая кулинарка, но люблю экспериментировать на кухне. Это русский рецепт, я нашла его в Сети. Там написано,

что к нему полагается это, — она поставила на стол плошку, прикрытую похожей салфеткой, но чуть меньшего размера, — ну же, Пьётр?

— А что я должен сделать? — спросил Саров.

— Какой же вы недогадливый, — рассмеялась Фрэнсис, — снимите салфетку.

Саров открыл плошку. В ней оказалось нечто белое и достаточно густое, чтобы сохранять форму закрученной спирали, как у морской раковины. «Надеюсь, это не майонез», — подумал Саров, который так и не смог привыкнуть ко вкусу американского майонеза.

— Ну не ту же, большую! — воскликнула Фрэнсис.

Саров сдернул салфетку.

— Как это называется по-русски? — спросила Фрэнсис.

— Сырники со сметаной, — ответил Саров, от неожиданности действительно по-русски.

— Как красиво звучит! — восхищенно сказала Фрэнсис. — Надеюсь, это будет так же вкусно!

— Сырники с изюмом, — вновь сказал по-русски Саров, разглядев темные бугорки, и повторил уже по-английски: — Сырники с изюмом и сметаной. Обожаю! Как вы догадались, Фрэнси? Эту тайну я не доверял даже русскоязычному Интернету.

Глаза Фрэнсис вспыхнули. «Чего это она? — с некоторым удивлением подумал Саров. — Не будь она такой загорелой, еще и покраснелась бы».

— Ну же, Пьётр, садитесь, их надо есть горячими, — сказала Фрэнсис.

— Сырники можно есть любыми, — сказал Саров,

усаживаясь за стол, — в любом количестве и в любое время.

Для первого опыта сырники вышли вполне. А соскучившемуся по ним Сарову так и вовсе показались восхитительными. Умял все, что было на тарелке, и не заметил. А когда поднимал голову, то видел Фрэнсис, весело улыбающуюся. Впрочем, и сама хозяйка воздала должное своему творению.

— Вкусно, — сказала она, — вы, русские, понимаете толк в еде.

— И в еде тоже, — ответил ей Саров.

Он уже собрался развить эту мысль, как зазвонил мобильник Фрэнсис.

— Привет, — сказала Фрэнсис в трубку и через какое-то время, хмурясь: — Я перезвоню через несколько минут. Я сейчас занята.

Сарову показалось, что он слышал мужской голос. Его это почему-то задело.

— Ну что, наелись? Вкусно было? — спросила Фрэнсис, улыбаясь.

Сарову показалось, что улыбается она как-то вымученно.

— Ой, спасибо, — сказал он, блаженно откидываясь на стуле, — я уже забыл, когда так вкусно ел. Вы — волшебница!

— Я сейчас все уберу, — сказала Фрэнсис, улыбка которой сразу стала радостной и немного смущенной, — а потом мы будем пить кофе или чай. Ох, какая же я глупая, надо было сразу предложить вам кофе, я-то сама выпила, я с утра без кофе не могу.

— Ничего, так даже лучше, — сказал Саров, поднимаясь из-за стола, — выпьем кофе, поговорим. Я вам помогу, — он взял свою тарелку в руки.

— Нет-нет, — остановила его Фрэнсис, — я сама. Вы поднимитесь к себе, отдохните, а потом спускайтесь, минут через пятнадцать.

«Еще один сюрприз», — подумал благостно Саров, поднимаясь по лестнице.

Только зашел в комнату, как вспыхнул экран ноутбука — письмо пришло.

«Быстро, однако», — подумал Саров, бросая взгляд на адрес отправителя.

«Вход свободный!

В любое время!

Вход не для всех!

Только для вас!»

Наш человек, усмехнулся Саров. Либо натурально наш — Семен Шитовский. Либо натуральный старый, по возрасту, американец. Старые американцы, особенно из глубинки, Сарову нравились, они почти ничем не отличались от русских стариков, тоже, естественно, из глубинки. Вот только наши старики не стучат узловатыми пальцами по клавишам компьютера и слоганами не разговаривают.

Но желание куда-либо ехать пропало напрочь. Благо и повод был — вот они, документы, с ними работать и работать. Вдруг донесся голос Фрэнсис. Саров поспешно вскочил, выбежал в коридор и тут же остановился.

— Ну как же так? — говорила кому-то Фрэнсис, вероятно, по телефону. — Ведь я же предупредила. Да, я понимаю, что людей не хватает, что срочно, но у меня дела, личные дела. Зачем мне премия? Зачем мне свободные дни потом? — она чуть не плакала.

Саров вернулся в комнату и плотно прикрыл за со-

бой дверь. Минут через десять раздался осторожный стук.

— Пьётр, я вас уже заждалась, — раздался призывный голос.

— Иду, иду, — откликнулся Саров и, уже на пороге: — Я зачитался документами.

— У вас еще будет время, — сказала Фрэнсис, — много времени.

Она выглядела так, как будто и не было неприятного разговора. Порхала вокруг стола, заваривала кофе в турке, пододвигала к Сарову корзинку с печеньем.

— Вы зачитались, — говорила она при этом, — там есть, чем можно зачитаться? Кроме Марка Твена, конечно.

— Есть, — ответил Саров, стараясь, чтобы это вышло как можно убедительнее, — по крайней мере, для меня как специалиста.

— Поэтому я к вам и обратилась, — радостно воскликнула Фрэнсис, — вы умный.

— Я не умный, я начитанный.

— Как вы сказали?! — залилась смехом Фрэнсис.

Саров рассмеялся в ответ. И пошел у них легкий разговор. Ничего личного. Они строили предположения, как шкатулка могла оказаться в доме Фрэнсис, придумывали разные истории, даже и романтические. Все шло хорошо, пока Саров не помянул всуе ФБР, решив добавить элемент триллера в их построения. Фрэнсис как-то сразу сникла.

— Они документы Теслы до сих пор ищут, — сказала она, — я это точно знаю.

— Распоряжение не имеет срока действия, — вы-

дал Саров неожиданно всплывшую из подкорки фразу, — так, кажется, это звучит на канцелярском языке?

— Именно так это и звучит, — кивнула головой Фрэнсис, — на языке Гувера.

— Джона Эдгара Гувера, — эхом отозвался Саров. Вновь телефонный звонок. Вновь Сарову кажется, что из трубки доносится мужской голос. Вновь хмурится Фрэнсис. Она отключает телефон. Надолго задумывается.

Саров тоже: молчал, кляня себя за то, что за годы, проведенные в Америке, так и не научился правильно вести себя в подобных ситуациях. Когда человек находится в явной беде или затруднении, тут все просто: могу ли я вам чем-нибудь помочь? А вот когда в неявной... Саров, особенно поначалу, совался по русской привычке с вопросами и наталкивался на недоуменный и даже осуждающий взгляд.

— У вас, Фрэнсис, наверно, есть свои дела, а я вас отвлекаю разговорами, — нашел он нейтральную формулировку.

— Ну что вы, Пьётр, это я вас сорвала с места из-за моих дел, а ведь сегодня понедельник...

— Не беспокойтесь, у меня сегодня в университете свободный день, — поспешил успокоить ее Саров.

— Я думала, что у меня тоже свободный, — с грустью сказала Фрэнсис, — но у нас тут большой конгресс, я говорила, вечные сбои, то в одном, то в другом, да еще несколько компьютерчиков подцепили вирус, ну, в смысле, грипп. Вот, вызывают. А это с раннего утра до позднего вечера, и так четыре дня.

— Это я хорошо понимаю, сам не раз занимался

организацией конгрессов, — сказал Саров и поднялся со стула, — не буду вам мешать. Поеду. Собственно, я свою миссию выполнил. Документы посмотрел. Они, несомненно, подлинные, но по большей части не представляют значимой научной ценности. То есть я хотел сказать, что они, конечно, ценные, но как автографы Теслы.

— А мне показалось, что в них есть что-то еще, — с легким разочарованием в голосе протянула Фрэнсис.

— Возможно, и есть, — не желая разочаровывать ее, сказал Саров, — я могу заняться этим на досуге. Теперь, когда я видел оригиналы и понял, почему вы показали мне именно оригиналы...

— Поняли? — прервала его Фрэнсис.

— Если вы имели в виду пометки ногтем на рукописи Марка Твена... — произнес Саров и, дождавшись кивка Фрэнсис, продолжил: — Так вот, теперь я вполне могу обойтись копиями. Вы отсканируйте их и вышлите, только не по факсу, у меня, боюсь, будут проблемы с факсом в ближайшее время, так что по электронной почте, да, так будет лучше всего.

— Вы возвращаетесь в Лос-Анджелес?

Фрэнсис вновь выглядела разочарованной. Саров, несколько неожиданно для самого себя, сказал:

— Не сразу. Я получил предложение посетить Колорадо-Спрингс, там возобновил работу музей Теслы. Вот я и подумал...

— Колорадо-Спрингс — симпатичный город, — сказал Фрэнсис, веселея.

— Вы там бывали?

— Проездом. Давно.

— А в музее Теслы случаем не были?

— Я и не знала о таком. Собственно, я и о Тесле до последнего времени ничего не знала. Но вам это должно быть интересно. Возможно, вы узнаете там что-нибудь новое для себя. То, что позволит вам понять послание, зашифрованное в документах из шкапулки.

— Вы по-прежнему думаете, что там есть некое послание?

— Я уверена в этом, я верю в это, я хочу верить в это. В противном случае весь этот набор не имеет никакого смысла, никакой ценности, — поправились она, — лишь несколько новых автографов в дополнение к миллиону других. Я вот подумала, что хорошо бы вам иметь под рукой документы, вдруг вам на месте нужно будет что-нибудь уточнить.

— Возможно, вы и правы. Но документов слишком много, на их копирование уйдет уйма времени. А вы спешите.

— Да, черт! — весьма энергично воскликнула Фрэнсис. — Извините. Но как подумаю...

— Я вас понимаю. Мне тоже очень жаль так быстро расставаться с вами.

— Правда? — кокетливо спросила Фрэнсис и сразу, решительно: — А берите-ка документы с собой, Пьётр. Как есть, со шкапулкой. Не спешите возвращать, постарайтесь разобраться. А как разберетесь, так и вернете. Я их сама заберу, — торопливо сказала она, — я часто бываю в Лос-Анджелесе по работе, только, конечно, не на машине. Я прилечу, и мы встретимся.

— Встретимся, — улыбнулся в ответ Саров.

- Так вы согласны?
- Желание женщины — закон.
- Ох уж эти русские!

Они вновь весело рассмеялись, как давеча за столом.

* * *

Фрэнсис собралась с поразительной скоростью. Саров едва успел отправить Сэму Шитовски письмо, о том, что приедет сегодня к вечеру, и упаковать ноутбук, как она уже стояла на пороге в деловом костюме. В другой бы ситуации Саров подумал, что хозяйка стремится как можно быстрее выпроводить засидевшего и изрядно поднадоевшего гостя. Но Фрэнсис была очень мила, чертовски мила. Она проводила его до самой машины.

— Вас подвезти? — спросил Саров.

— Нет, спасибо, мне тут близко, я хожу пешком. Преимущество жизни в небольшом городке.

— Не такой уж и небольшой, особенно если сравнить с моим университетским кампусом. Вот там действительно — всюду пешком, только пешком, — сказал Саров.

Он тянул время. Ему не хотелось расставаться с Фрэнсис. А она уже чмокнула его на прощанье в щеку.

— Будьте осторожны, Пьётр, — сказала она.

— Что вы имеете в виду? — удивился он.

— Ничего, кроме сказанного. Просто: будьте осторожны. До встречи!

— До встречи в Лос-Анджелесе! — с преувеличенной бодростью воскликнула Саров, садясь в машину.

Он помаяхал рукой и медленно тронулся. Благостное настроение как ветром сдуло. Что-то тревожное было в последних словах Фрэнсис. Разом вернулись утренние страхи, о которых он и думать забыл. Саров покосился на шкатулку, стоявшую на правом сиденье. Фрэнсис обернула ее лентой скотча, чтобы ненароком не открылась крышка, и упаковала перед выходом в большой пластиковый пакет. Тогда это выглядело вполне естественным, теперь вдруг подумалось, что это было сделано для того, чтобы никто не увидел шкатулку. Саров поднял глаза к зеркалу заднего вида. Фрэнсис продолжала стоять на тротуаре, глядя ему вслед. А от противоположного тротуара тронулся черный седан с нехарактерными для Америки затемненными стеклами и двинулся в ту же сторону, что и он.

Саров доехал до первого перекрестка и в соответствии с наставлениями Фрэнсис свернул направо, поддал газу, домчался до следующего перекрестка, включил левый поворотник. Стоя на светофоре, посмотрел в зеркало заднего вида. Черный седан пристроился ему в хвост, с деланным безразличием моргая левым глазом. Сквозь темное лобовое стекло смутно виднелись двое мужчин-близнецов в шляпах, сидевшие истуканами, как фигурки в игрушечном автомобиле. «Это еще что такое? — подумал Саров. — Только этого мне не хватало!» Загорелся зеленый сигнал светофора. Саров импульсивно включил правый поворотник, нажал на клаксон и бросил машину вправо. Седан не рискнул повторить его маневр и, обиженно пыхтя, поехал своей дорогой.

Чтобы не запутаться, Саров решил сделать «круг почета». А возможно, ему хотелось еще раз увидеть

Фрэнсис, которая вряд ли успела отойти далеко от дома. Но Бергер-стрит в этот полуденный час была пуста. Лишь от одного дома посередине квартала вывернул небесно-голубой «Кадиллак» и быстро умчался прочь. Сидящий у дома на скамейке соломенный Страшила печально смотрел ему вслед.

— Интересные дела, — поделился с ним своими мыслями Саров, проезжая мимо. Ему даже показалось, что Страшила согласно кивнул в ответ.

«Интересные дела, — повторил Саров, когда выбрался на трассу, ведущую в Колорадо-Спрингс, — трое суток назад жил не тужил, и вдруг началась череда странных событий. Сначала увольняют с работы, ну, от этого никто не застрахован, опять же черная пятница. Но тут как тут странный корреспондент с необычным предложением — мне, абсолютно незнакомому человеку, предлагают уникальные документы. И постоянно говорят о каком-то сроке, который оказывается не в будущем, как он предполагал. Срок — все та же черная пятница, в которую Тесла начинал все свои важнейшие проекты. Вот и таинственный корреспондент начал свой проект в черную пятницу. Он как телок несется за тридевять земель, корреспондент оказывается корреспонденткой, очаровательной, надо признать, женщиной, он разлимонивается и втягивается... Во что-то втягивается. Ему предлагают залезть в Интернет, и тут как тут письмо из Колорадо-Спрингс. Приглашение в музей, о котором он никогда не слышал. Музей не для всех. Исключительно для него. Поразительно вовремя приходит приглашение. Стоило ему тронуться в обратный путь, и все, пиши — пропало. И как-то все так складывается, что он,

чуть ли не помимо своей воли, едет дальше. И еще ему буквально насильно навязывают эту шкатулку с документами. Как будто она жжет Фрэнсис руки и та стремится как можно быстрее от нее избавиться. Или, наоборот, хочет связать ему с помощью этой шкатулки руки, ограничить свободу выбора, еще сильнее втянуть его во что-то. Как она написала ему: возможно, вам захочется что-то сделать, что-то, для чего надо быть достаточно сумасшедшим. Он не сумасшедший».

И Саров принялся доказывать это сам себе весьма простым способом — поиском разумных объяснений всей этой странной цепи совпадений и вообще всех событий, включая звонки Фрэнсис, ее неожиданный отъезд на машине и присутствие напротив ее дома черного седана, который пристроился вслед за ним. Кто ищет разумные объяснения даже самым невероятным событиям, тот всегда их найдет. Тем более что события были отнюдь не невероятными, а самыми что ни есть обычными, как убедил себя Саров за время долгого пути. У него даже осталось время, чтобы оценить окрестные пейзажи, которые были куда приятнее, чем вчерашние. Горы — это не пустыня. И растительность богаче. Вот только холодно. Почти как в России.

В Колорадо-Спрингс он въехал в легких сумерках. Возможно, поэтому он никак не мог найти нужную улицу. Крутился в соответствии с присланным планом на самой окраине города, у подошвы Скалистых гор, вглядывался в названия улиц и находил все, кроме нужной. На одной из улиц был припаркован небесно-голубой «Кадиллак», но Саров его не заметил, не

захотел замечать. В третий раз приехав на один и тот же перекресток, Саров не выдержал, вылез из машины и обратился к пожилому веспу¹, выгуливающему на поводке небольшую собаку:

— Добрый вечер! Славный вечерок для прогулки с собакой! Не подскажете, как проехать к Эрлич-стрит?

Мужчина широко улыбнулся в ответ.

— Добрый вечер! Действительно славный вечерок! А что касается вашего вопроса, к сожалению, ничем помочь не могу. Никогда не слышал о такой улице. Извините.

Саров чертыхнулся про себя — что за глупый розыгрыш! — стараясь сохранять приветливую улыбку на лице. Вдруг мужчина хлопнул себя свободной рукой по лбу и рассмеялся.

— Что я говорю! Ведь вам, наверно, нужна Эрлих-стрит?

Буква «х» прозвучала неожиданно мягко, но все же не настолько, чтобы сделать название улицы неузнаваемой, так показалось Сарову. Но он лишь согласно кивнул головой.

— Да вот же она! — мужчина показал рукой на указатель, на котором готическими буквами было выведено: Ehrlich st.

— Действительно, Эрлич, — сказал Саров, — как же я не заметил? Это, наверно, из-за шрифта.

— Нет-нет, «Эрлих», — повторил мужчина, — немецкое слово, означает: честный. А улица, если быть

¹ WESP — White English Speaking Protestant, белый англоговорящий протестант, в недавнем прошлом представитель основного населения США.

совсем точным, называется Эрлихштрассе. Тут раньше много немцев жило. Да и сейчас живут.

«Выходит: Честная улица, — подумал Саров. — Что ж, посмотрим, какая она честная».

— Спасибо, — сказал он мужчине, улыбаясь, — вы мне очень помогли.

— Не стоит благодарности, — ответил тот. — Вы, наверно, к Сэму? — и, не дожидаясь ответа: — Четвертый дом по правой стороне. Сэм — славный парень!

* * *

Они были славными парнями, и Сэм, и тот мужчина, выгуливавший собаку. И наверняка немало покурели вместе, лет эдак пятьдесят назад. А заводилой у них был, несомненно, Сэм, он все же был постарше лет на пять. Так думал Саров, сидя за столом с Сэмом и в который раз окидывая взглядом его кряжистую фигуру, большие руки с набухшими сосудами, широкое, чуть простоватое лицо, на фоне которого глаза, поблескивающие из-под нависших бровей, казались особенно хитрыми и пронизательными. Но в настоящий момент глаза поблескивали все же не от хитрости, а от виски.

— Отличный напиток! — сказал Саров, беря в руки квадратную бутылку с залитым красным пластиком длинным горлом и разглядывая надпись. — Надо же, американское!

— Мэйкерс марк, — удовлетворенно сказал Сэм, — его еще поискать!

— Запомню!

— А то! — воскликнул Сэм и налил еще по одной щедрой порции.

Сэм Шитовски принял его радушно и сразу потащил за стол, предложив отложить осмотр музея-лаборатории до завтрашнего утра. Саров только и успел разглядеть, что за домом тянулось длинное, недавно отремонтированное здание без окон, напоминавшее сельский амбар из полузабытого советско-колхозного прошлого. Наверно, это и был музей. Лаборатория Теслы в Колорадо-Спрингс тоже располагалась в амбаре, отметил про себя Саров. Такое начало ему понравилось, это прибавляло достоверности. Сэм тоже был настоящим, настоящим старым электромехаником, как он себя отрекомендовал, настоящим энтузиастом — глаза горят, говорить о Тесле может часами. Собственно, только о Тесле он и говорил, даже не потрудившись «прощупать» Сарова, как будто заранее знал о нем все.

— А знаете ли вы, молодой человек, об эксперименте «Филадельфия»? — патетически спросил Сэм, воздев вверх руку с торчащим указательным пальцем.

Саров, конечно, знал. Но он знал также и то, что человеку, вздымающему вверх руку с торчащим указательным пальцем, надо обязательно дать возможность рассказать его историю, какой бы длинной она ни оказалась, и, не прерывая его, лишь ахать от изумления в положенных местах.

— Что-то слышал краем уха или фильм видел, — как можно небрежнее сказал он, — но ведь это, если не ошибаюсь, было после смерти Теслы.

— После ухода Теслы, — поправил его Сэм, строго

насупив брови. — А так все верно. При Тесле такого эксперимента и не могло быть, а если бы он все же состоялся, то без катастрофических последствий. Каких последствий? Чтобы понять это, надо вернуться на несколько лет назад. Последние годы жизни Тесла был вынужден работать по заказу военных ведомств. Он ненавидел войну, но человечество упорно заваривало кровавую кашу, и Тесла, будучи не в силах предотвратить войну, старался хотя бы уменьшить возможный ущерб. (Чувствовалось, что Сэм далеко не в первый раз рассказывает эту историю, она оттачивалась годами, утрачивая непосредственность живого рассказа и приобретая литературные черты, черты весьма посредственные.) После относительной неудачи со своим изобретением, раздутым безответственными журналистами под принципиально неверным названием «лучи смерти», неудачи, заключающейся в том, что это оборонительное оружие слишком легко превращалось в оружие уничтожения, Тесла занялся созданием системы, позволяющей сделать военные объекты и военную технику, такую, как корабли и самолеты, невидимой, невидимой для начала для радаров.

Саров чутко уловил рассчитанную паузу и послушно ахнул:

— Технология «Стелс»!

— Точно! — Сэм с удовлетворением принял отбитую подачу и продолжил: — Она, родимая! Вон когда еще создана была! — И тут же скатился в накатанную колею рассказа: — Так как заказ исходил от военно-морских сил, то Тесла сосредоточился на военных кораблях. Он предложил создавать вокруг кораблей с

помощью сильных магнитных генераторов мощное поле, способное менять направление пучка света локаторов, создавая тем самым иллюзию пустого пространства. Тесла провел все необходимые расчеты и даже создал магнитные генераторы необходимой мощности. По слухам, он даже провел некоторые предварительные испытания системы, в ходе которых выявились неожиданные эффекты. Тесла никогда не обнародовал промежуточные результаты своих экспериментов, никто даже не знал точно, какие эксперименты он проводил, вот и тут — сплошная тайна. Известно лишь, что он неожиданно прекратил свои работы по проекту. На недоуменные вопросы военных заказчиков он отвечал, что не может взять на себя ответственность за людей, которые будут принимать участие в эксперименте, что это может оказаться для них слишком опасным, что события могут достигнуть определенной точки, за которой — полная непредсказуемость. Он не сказал — неизвестность, он сказал — непредсказуемость, это — разные вещи.

— Да, точка бифуркации, — кивнул головой Саров.

— Вы — умный молодой человек! — еще больше воодушевился Сэм. — А Тесла был мудрым немолодым человеком. Он понимал, что военных, имеющих в руках практически готовую систему, ничто не может остановить от испытаний. Даже возможные жертвы. Тем более что Тесла, всегда предельно правдивый, не говорил собственно об угрозе жизни людей, он говорил о непредсказуемых последствиях для их психики. Уходя, Тесла сказал военным: если вы все же решитесь провести испытания, раздайте всем членам экипажа вот это, и он положил на стол небольшую

черную коробочку. Я изготовил достаточное количество этих устройств, продолжил он, они находятся в лаборатории. Что это такое, спросили военные. Временной декодер, ответил Тесла просто, он позволит членам экипажа восстановить ориентировку во времени. Вы можете представить себе, какой смех раздался в комнате.

— Представляю, — в свою очередь рассмеялся Саров, вновь уловив паузу, — для военных не существует проблемы ориентировки во времени, для определения точного времени согласно уставу используются часы.

— У вас есть чувство юмора, молодой человек, — закудахтал в ответ Сэм, — весьма редкое в наше время чувство. У военных его отродясь не было. Им это не положено по уставу. — Отсмеявшись, Сэм продолжил рассказ: — Случилось это за шесть месяцев до ухода Теслы, а через десять месяцев после этого события, в октябре 1943 года, военные провели испытания. Дело было в бухте Филадельфии, отсюда эксперимент и получил свое название. Центральную роль в нем играл крейсер «Элдридж», на котором были установлены магнитные генераторы Теслы. По бортам, несколько в отдалении, стояли два эсминца, корпуса которых были покрыты отражающей свет облицовкой. Зачем это было нужно, никто не знал и, похоже, даже не задумывался. Так было написано в бумагах Теслы, этого было достаточно. Смеясь над выжившим из ума, как они полагали, стариком, военные в то же время тупо следовали его предписаниям. Адмиралы и генералы предпочли наблюдать за экспериментом со стороны, с берега. По их приказу вклю-

чили установки на крейсере. Через несколько мгновений крейсер окутал густой зеленоватый туман. Все взоры переместились на экраны локаторов, которым туман нипочем. Корпус крейсера был четко виден, но он — таял на глазах! И вот он истаял полностью! Есть! — радостно закричали военные, оторвали взоры от экранов локаторов и уставились на бухту. Эсминцы весело поблескивали обливкой корпусов, лёгкий морской бриз разносил клочья зеленоватого тумана, чайки мирно пикировали в то место, где совсем недавно находился крейсер, и взмывали вверх с зажатými в клювах сверкающими рыбками.

Саров улыбнулся про себя. Таких красочных деталей он еще ни разу не встречал. Несомненно, что Сэм, увлекшись, придумывал на ходу. А тот действительно увлекся, даже вскочил со стула и принялся в лицах изображать последующий диалог.

— Сэр, — бодро доложил неожиданно появившийся адъютант, обращаясь к начальнику штаба военно-морских сил США, — срочное сообщение из Норфолка. В бухте появился корабль, идентифицированный как крейсер «Элдридж». На запросы береговой охраны не отвечает. Какие будут распоряжения, сэр?

— Пусть передадут на крейсер всеми доступными средствами, включая флажки, приказ немедленно возвращаться в бухту Филадельфии, — приказал адмирал и только после этого озадаченно протянул: — Двести миль!

Крейсер почти немедленно материализовался в бухте Филадельфии, как будто и вправду повинуюсь приказу высшего командования. Материализовался настолько быстро, что одна из чаек, взмывая вверх

из воды, ударилась о борт корабля. Но главные сюрпризы были впереди. Часть экипажа бесследно исчезла. Ходят слухи, что половина, но точно известно лишь морскому ведомству, которое крепко хранит свои секреты по сей день. Так что это даже обсуждать бессмысленно.

— Конечно, бессмысленно, — вставил свое слово Саров, — это все слухи, а мы оперируем только твердо установленными фактами, — добавил он, всеми силами подавляя улыбку на лице и в голосе.

— Точно! — подхватил Сэм. — А факты таковы, что оставшуюся часть экипажа пришлось списать, сначала на берег, а потом и вовсе из военно-морских сил. А что еще делать с людьми, заблудившимися во времени? Они не узнавали родных, не узнавали места, в которых прожили с детства. И в то же время рассказывали удивительные вещи о временах прошлого, далекого прошлого, а некоторые утверждали, что были в далеком будущем или на другой планете, что, в сущности, одно и то же, что они разговаривали с неземными существами и даже жили среди них. Еще говорят, что некоторые после этого эксперимента приобрели способность исчезать и вновь появляться по своей воле, но!.. — Сэм воздел вверх руку с выставленным указательным пальцем.

— Но!.. — поддержал его жест Саров.

— Но мы об этом не говорим, — смеясь, закончил Сэм.

— Да, красивая история, — сказал Саров, — жаль, что в ней почти ничего не известно доподлинно, что от нее не осталось никаких следов, кроме самой тех-

нологии «Стелс», которая, еще неизвестно... — Он замаялся.

— Почему же не осталось? — сказал Сэм, не обращая внимания на смущение Сарова. — Много чего осталось. Даже свидетели эксперимента остались, а вернее сказать, его участники. Это вам, молодым, 1943 год представляет далеким прошлым. Но прикинь: матросам, служившим на злополучном крейсере, было тогда лет по восемнадцать–двадцать, сейчас им восемьдесят пять — восемьдесят семь, не так много, если вдуматься, почти столько же, сколько было Тесле в те годы. Их все считают сумасшедшими, но здоровьем их бог не обидел, они даже выглядят моложе своих лет, — Сэм хитро посмотрел на Сарова.

— Ах, вот оно в чем дело, — протянул Саров, отвечая ему заговорщицким взглядом.

Тут они одновременно рассмеялись. Это была, конечно, шутка, дружеский розыгрыш, они уже чувствовали себя друзьями.

— Но осталось и другое, — сказал Сэм, — я покажу.

Он поднялся из-за стола, вышел в другую комнату и почти сразу вернулся, неся в руках маленькую черную коробочку размером с мыльницу.

— Вот, — сказал он, кладя коробочку на стол перед Саровым, — временной декодер из запасов Теслы.

Сказал просто, без свойственных ему эмоций, как о самой обычной вещи. Она и казалась обычной вещью. Саров разглядел на коробочке три небольшие круглые ручки черного же цвета. Теперь коробочка походила на самодельный транзисторный приемник, которые собирали как раз в мыльницах, используя их

в качестве корпуса. Отец показывал Сарову такой шедевр радиотехники. Он даже работал, и вполне сносно.

— И что, работает? — спросил Саров, сглатывая слюну. Мысль об очередном розыгрыше даже не пришла ему в голову. Он потом, вспоминая, немало удивлялся этому.

— Откуда же мне знать? — ответил вопросом Сэм. — Я пробовал разобраться, но... — Он сокрушенно развел руки. — Может быть, ты разберешься.

Сказал и осекся. Но Саров не заметил этого, он был все еще не в силах оторвать взгляд от коробочки.

— И что — разбирали? — показал он пальцем на коробочку.

— Разбирал, — признался Сэм, — кто ж удержится?

— И что? — повторил Саров.

— Да ничего особенного. Простая схема, несколько контуров, позволяющих настраиваться на определенные частоты, еще две катушки, которые могут служить передатчиком и приемником, вот, в сущности, и все.

Саров удержался. Он не только не полез немедленно разбирать коробочку, но даже не взял ее в руки, чтобы рассмотреть получше. Его самого разобрали — зевота, усталость и переизбыток впечатлений. Сэм немедленно подскочил.

— Все, на сегодня хватит, — сказал он, — завтра продолжим. Пойдем я тебя спать уложу. У меня места много, а живу я один, давно.

Это Саров и так знал, с первого взгляда на жилье Сэма. У него был в этом достаточный опыт. Он сам жил один, давно.

* * *

Саров стоял посреди музея и восхищенно осматривался. Он отправился сюда еще до завтрака. Долго упрасивать Сэма не пришлось — тот был явно польщен таким интересом к его детищу.

Саров угадал верно — музей располагался в большом, похожем на амбар здании позади дома Сэма. Он представлял собой одно прямоугольное помещение размером приблизительно пятнадцать на десять метров с потолками никак не меньше четырех метров.

— Жаль, что не квадратное, как в оригинальной лаборатории Теслы, — тихо заметил Сэм, — но на большой квадрат земли не хватало, хоть дом сноси, а маленький — он и есть маленький.

— Ничего, — ответил Саров, — так даже лучше, лучше видно.

Лучше видно было гигантскую катушку Теслы — главное украшение музея. Ее диаметр был лишь немногим меньше ширины помещения, так что она почти касалась стен, а высота превышала рост человека. Для удобства прохода она была установлена на высоких кирпичных столбиках, почти упиравшись в потолок. Толстый медный провод, плотно намотанный на деревянный каркас, весело поблескивал.

— Дорогая игрушка, — заметил Саров.

— Не игрушка, — с легкой обидой сказал Сэм, — у меня здесь все действующее. Не все испытанное, как вот эта катушка, но хоть сейчас подключай. Хочешь, включу.

— Не сейчас, — с улыбкой ответил Саров.

— Тут, конечно, не все аутентично, — продолжал между тем Сэм, — что-то моими руками собрано, но

есть устройства и тех еще времен, есть даже собранные самим Теслой, ну, ты вчера видел.

Различных устройств и приборов было действительно много. Внутри катушки возвышались колоннами высокочастотные трансформаторы и приемники, вдоль стен тянулась сплошная широкая консоль, плотно заставленная различными приборами. Саров обожал старинные приборы, весы, микроскопы, переносные аппараты, они были для него лучшими произведениями искусства, искусства человеческих рук. Сто лет, конечно, не срок, можно сказать, новодел, но все равно разительное отличие от современных штамповок.

— Класс, — сказал Саров, любовно поглаживая ручкой деревянный корпус одного из приборов. — Не дешево, однако, — заметил он, еще раз проведя взглядом по кругу, — как вам это удалось?

— Одному бы мне, конечно, не удалось, — ответил Сэм, — но среди поклонников Теслы есть немало богатых людей, очень богатых людей, — добавил он.

— Может быть, у вас тут и крыша раздвижная, как в лаборатории Теслы? — спросил Саров, задрвав голову вверх и изучая потолок.

— Я бы сделал, — с легкой досадой ответил Сэм, — и башню бы возвел с медным шаром наверху, но меня убедили, что ради простой демонстрации это слишком дорого. Богатые люди потому и богатые, что умеют деньги считать. Тесле они тоже крылья подрубали.

— Тесле нельзя было подрубить крылья, — сказал Саров, — он летал на крыльях духа.

— Хорошо сказал! — воскликнул Сэм и тут же потянул Сарова за собой: — Пойдем кофейку попьем,

у тебя еще будет время со всем этим ознакомиться. Много времени. Тут о каждом устройстве можно рассказать отдельную, длинную историю.

Истории начались сразу же, как уселись за стол.

— Да, — говорил Сэм, — все главное, созданное Теслой, и беспроводная передача энергии, и получение энергии из окружающей среды, и контакты с другими мирами, и проникновение в высшие сферы сознания, и управление пространством и временем, все начиналось здесь, в Колорадо-Спрингс. В это трудно поверить, ведь в последующие годы в науке, как всем кажется, произошел переворот — теория относительности, ядерная физика, квантовая теория, волновая механика, все изменилось, весь наш взгляд на мир изменился, какое значение могли иметь старые эксперименты, старые воззрения, и тем не менее! Начатое в Колорадо-Спрингс отзывалось в работах Теслы последнего периода, отзывается до сих пор! Вот я вчера рассказывал об эксперименте «Филадельфия», там еще такой туман появился, зеленоватый, перед исчезновением корабля. А ведь такой туман Тесла впервые наблюдал именно здесь, это и в его колорадских дневниках написано.

— А сколько не написано! — воскликнул Саров. — Взять хотя бы шаровую молнию... До сих пор бьемся.

— А ты этим занимаешься? — Сэм подался вперед, с интересом заглядывая в лицо Сарову.

— Нет, я конкретно не занимаюсь и не занимался, но с проблемой знаком, весь мир занимается, холодная плазма и все такое прочее.

— Жаль, — искренно сказал Сэм, — я надеялся, что ты мне покажешь, я бы тебе и приборы дал. А то я ша-

ровую молнию только издалека видел, они здесь часто проносятся. А так, чтобы в руках поддержать... А ведь Тесла их получал, огненные шары, как он их называл, вот такие вот, — Сэм развел руки с чуть согнутыми пальцами, — как небольшой мяч. Он их в коробках хранил и вынимал по мере надобности.

Саров не смог сдержать улыбки.

— Вот ты не веришь, а достойные люди это в своих воспоминаниях описывали, — горячился Сэм, — и на лекциях он эти огненные шары показывал, их тысячи людей видели! Он с ними делал, что хотел!

— Тесла делал, — покорно согласился Саров, — а вот другим не удавалось, хотя очень старались. До сих пор стараются. У нас в России был великий ученый, Капица, Пётр, как и я...

— Слышал о таком, он у Резерфорда работал, — встрял Сэм.

— Работал по молодости, — вновь согласился Саров и, удержавшись от экскурса в историю, продолжил: — Он тоже плазмой занимался, так называемой управляемой плазмой.

— Ну и... — подтолкнул его Сэм.

— Да не очень у него получалось, — нехотя ответил Саров, — собственно, ничего не получалось. Только при использовании резонансных трансформаторов Теслы были какие-то намеки, что-то небольшое, короткоживущее.

— Вот! — радостно воскликнул Сэм. — Тесла секрет знал! И устройства создал! Они, устройства эти, простые были, для несведущего человека так и вовсе на одно лицо, весь секрет был в частоте и мощности.

— Возможно, — не стал спорить Саров, — жаль, что он этот секрет с собой в могилу унес.

— Как знать, как знать, — тихо прошептал Сэм.

* * *

Днем отправились на прогулку по городу. Сэм немало удивился, когда Саров предложил пойти пешком.

— Нынешние пешком ходить разучились, — сказал он, — у нас тут либо бегом в спортивном костюме, либо на машине.

— А я не нынешний и не тутошный, я из другого времени-пространства, — ответил Саров.

Ответ Сэму понравился.

Когда вышли из дома, Саров обратил внимание на отсутствие какой-либо таблички, указывающей, что здесь находится музей Теслы. «Похоже, действительно не для всех, — подумал он, — но при этом вход свободный. Все правильно старик написал. Название улицы обязывает».

Прогулка Сарова разочаровала. Вернее, разочаровал город. Они прошли по Пайкс-Пик-авеню, по Койот-стрит, по Проспект-Лейку, под их ногами была земля, по которой ступали ноги Теслы, они даже постояли на том месте, где располагалась его лаборатория, но — никакого отклика в душе.

— Ничего, — сказал Сэм, чутко уловив разочарование Сарова, — вот осмотришься в музей, мы с тобой в горы съездим, там совсем другой колленкор. Тебе понравится. Уезжать не захочешь.

«Пока что он уверен, что я не захочу уезжать из его дома», — подумал Саров. Он проанализировал свои чувства. Уезжать действительно не хотелось.

После ланча они с Сэмом побродили по музею, останавливаясь то у одного прибора, то у другого. Потом Сэм, сославшись на усталость, удалился в свою спальню. Саров решил было посмотреть телевизор — что там в мире делается? — но не нашел его. Возможно, хозяин счел, что этому относительно молодому устройству не место в его лавке древностей. А может быть, он просто не любил смотреть телевизор. Саров тоже не любил, так что несколько не расстроился. В мире же ничего хорошего произойти не могло, по крайней мере, с точки зрения телевизионщиков, зачем и смотреть?

Он зашел в отведенную ему комнату, и тут же наткнулся взглядом на пластиковый пакет со шкатулкой. Он достал ее, поставил на стол, отодрал скотч, откинул крышку, принялся вновь перебирать документы. Потом включил настольную лампу, чтобы лучше разглядеть некоторые детали на чертежах и схемах. Так увлекся, что не расслышал, как тихо отворилась входная дверь.

Это был Сэм. Он заглянул в образовавшуюся щель, удовлетворенно улыбнулся, глядя на открытую шкатулку и на спину Сарова, склонившегося над столом, тихо притворил дверь и на цыпочках удалился.

Глава 16

Частный просмотр

Саров не понимал, что с ним происходит. Ему бы следовало веером рассылать свое резюме или, выложив перед собой стопку визитных карточек, обзва-

нивать многочисленных коллег, с которыми он познакомился на конференциях и семинарах, а еще лучше делать и то и другое одновременно, землю носом рыть, держать нос по ветру, носом чуют, в общем, искать работу, без которой он в этой стране никто. А вместо этого он уехал к черту на рога, в забытый богом городишко, в здакий американский Урюпинск, да нет, что он говорит, Урюпинск просто стольный город по сравнению с этим Мухосранском, и вот уже три дня сидит тут, восторгаясь антикварным хламом и копаясь в пожелтевших от времени бумажках, пытаюсь выудить из них информацию, которой, скорее всего, в них нет. Бросать, бросать все и лететь в Лос-Анджелес, веером рассылать, тьфу, черт, это он себе уже говорил. Хотя не помешает и повторить, потому что желание лететь есть, а желания бросить все — нет, потому что лететь хочется не в Лос-Анджелес и даже не в Москву, что в сложившейся ситуации было бы куда как правильнее, а в некий городок по соседству, всего-то в пяти часах езды, в котором он был лишь несколько раз в жизни, да и то проездом, и еще один раз провел ночь в каком-то кошмарном сне, но даже в кошмарном сне не могло присниться, что он захочет вернуться в этот городок, чтобы встретиться с женщиной, которую он видел тогда в первый и единственный раз. Ну вот, выкристаллизовалось. Стоило покопаться в себе, чтобы понять, что же с тобой происходит. А ~~то приводишь себе~~ всякие аргументы, сам же понимаешь их надуманность и злишься за это на себя. Показать пленку! Посоветоваться! Да повидаться хочется, а уж потом — показать пленку и посоветоваться.

Ну вот, приоритеты расставлены, теперь можно спокойно думать о... пленке. Той, что была на бобине, а бобина — в шкатулке, а шкатулка — в доме, в котором... Стоп! Пленка-кинолента... Старая. Нижний предел понятен: братья Люмьер, «Прибытие поезда», в общем, конец девяностых позапрошлого уже века. Верхний — тоже: если содержимое шкатулки действительно собрано самим Теслой, то никак не позже 1943-го. Точнее определиться внутри этого интервала нельзя, он не эксперт по пленке, пленка как пленка, старая. Черно-белая, понятное дело. И не так чтобы длинная. То есть пленка-то длинная, а вот фильм — короткий. Из далекого детства или из виденных кинофильмов пришло воспоминание: большие, сантиметров в тридцать бобины, устанавливаемые в проекторе, каждый фильм — на нескольких бобинах. А в этой — минут на пять, не больше.

Пленку он размотал и посмотрел через лупу отдельные кадры. На самых первых, после титров: длинный стол, накрытый свисающей до полу скатертью, за ним в ряд — несколько сидящих мужчин, в общем, президиум. Последующие кадры не поражали разнообразием. Одни являли вид набитого битком зала с сидящими ровными рядами людьми. На большей же части было изображение сцены с трибуной типа конторки, за ней — высокий худой человек со светлыми волосами, скорее всего, Тесла, собственно, точно Тесла, кому еще быть? Эти монотонные кадры различались лишь положением правой руки оратора, она то лежала на трибуне, то приподнималась, обращаясь к залу, то отлетала в сторону, как на памятнике Пушкину в Питере перед Русским музеем. Все! Очень содержательная фильма, как говорили в те стародавние

времена. Особенно если учесть, что немая. Саров был в этом почти уверен. Руку на отсечение он бы не дал, но мизинцем, пожалуй, рискнул бы.

Но ведь зачем-то Тесла положил эту пленку в шкатулку. Вряд ли для того, чтобы донести до получателя свой светлый образ. Для этого куда проще было положить хотя бы одну фотографию. Фотографий не было, ни одной. Какие-то фотографии были в сейфе в номере Теслы, их еще обнаружили после его смерти, Саров читал об этом, но мало ли что там было? Мы исходим из того, что все необходимое для разгадки содержится в шкатулке, так подумал Саров.

Пленку надо было прокрутить. И надо же, какое счастливое совпадение! Осматривая вместе с Сэмом его сокровища, Саров наткнулся на старинный проекционный аппарат.

— Антикварная вещица! — сказал Сэм, перехватив взгляд Сарова. — Двадцать первый год! На станине выбито. Такие использовали для частных просмотров, домашний кинотеатр, как сейчас говорят. Только богатые люди могли себе позволить. Тесла бы не отказался от такого. Он ведь любил синемаграф и часто посещал кинозалы, отдавая предпочтение легким комедиям и тому, что сейчас называют боевиками, фильмам с драками, с боксом, бокс он тоже любил. Ходил на бои и в Медисон-сквер-гарден, и в небольшие клубы, — Сэма, как обычно, повело в сторону.

— И что — работает? — прервал его излияния Саров, показывая на проектор.

— У меня все работает, — с легкой обидой в голосе сказал Сэм, — вот не веришь, а я покажу! Нет, нет, не возражай, покажу!

Саров и не думал возражать. Он помог Сэму пере-

нести аппарат в другую комнату, установить его на столе, навести на свободную стену, покрытую светлыми обоями. Сэм вышел и вскоре вернулся, держа в руках небольшую бобину с пленкой, близняшку лежавшей в шкатулке.

— А что, ручка не нужна? — спросил Саров. — Помню, на старой хронике операторы крутят на камере такую большую ручку.

— Так то ж на камере! — воскликнул Сэм. — А это проектор. Продвинутый проектор. Пир тогдашних высоких технологий. Втыкаешь вилку в розетку и — никаких ручек! Вот так втыкаешь, вот так пленку заправляешь, — Сэм все показывал и объяснял Сарову, как ребенку, — вот так включаешь и — готово! Прошу!

Он сделал широкий жест рукой. На стене замелькали кадры. Какие-то дамы в шляпках и длинных манто прогуливались по аллеям парка, беззвучно смеясь и оживленно болтая. Красивые дамы. Одна так очень похожа на...

— Сэм, вы позволите мне взять этот прекрасный агрегат на пару дней? Хочу разобраться, как он работает. Я не сломаю, не бойтесь.

— Конечно! Конечно, позволю, и, конечно, не сломаешь. Даже если и сломаешь. Как сломаешь, так и починишь, так ведь? Я тебе еще и чемодан дам, к нему специальный чемодан прилагается. Чтобы было удобнее перевозить. Чтобы, значит, не сломать при перевозке.

Сэм подмигнул Сарову. Или это Саров подмигнул Сэму? Он и сам не понял. Но какая-то искорка сугубо мужского понимания между ними проскочила.

* * *

— Мисс Клиффорд...

— Фрэнси...

— Хорошо. Фрэнси. Это Питер Саров.

— Я поняла, Пьётр.

— Я немного продвинулся в интересующем нас направлении.

— Похоже, что действительно продвинулись, вы стали осторожнее в высказываниях.

— Нет, пока ничего существенного. Все очень неопределенно, кое-какие догадки есть, но картина не складывается. И есть одна вещь, которую я совсем не понимаю. Я хотел бы показать ее вам, может быть, вы что-нибудь подскажете, посоветуете. У нас в России говорят: один ум хорошо, а два лучше.

— Как это по-русски! Вы любите работать сообща. И еще вы любите спрашивать совета и давать их.

— Это плохо?

— Нет, это непривычно. Американцы — индивидуалисты и любят жить своим умом.

— А как же работа в команде?

— Это миф, это то, что босс пытается вбить в головы подчиненным.

— Вы тоже индивидуалистка?

— Ужасная. Не терплю над собой никакого начальства и предпочитаю работать в одиночку. Как наш герой. Но при этом я очень люблю, когда у меня спрашивают совета, — добавила она поспешно, — а еще больше — давать советы. Я профессиональная советчица.

— Мне кажется, что наш герой к концу жизни не-

сколько изменил свою точку зрения. Он понял, что без помощников ему не обойтись.

— Даже так?

— У меня сложилось такое впечатление.

— Впечатление — это такая эфемерная субстанция, ее невозможно передать по телефону.

— Именно это я и имею в виду.

— Я буду на днях в Лос-Анджелесе, мы могли бы встретиться. Ведь дело терпит?

— Не уверен. И я не в Лос-Анджелесе. Я в Колорадо-Спрингс.

— Вы все-таки поехали туда... А я думала, что вы давно вернулись домой.

— Возвращался бы я через Санта-Фэ и обязательно посетил бы вас. Неужели вы думаете, что есть на свете мужчина, который, познакомившись с вами, вот так бы взял и проехал мимо.

«Вот, черт, нашел время и место демонстрировать галантность. Не в России, чай», — пожурил себя Саров.

— Я немного завидую русским женщинам. Американские мужчины разучились говорить такие слова.

— У них есть другие достоинства.

— Некоторые счастья своего не понимали, — сказала Фрэнсис.

«О чем это она?» — оторопел Саров. Осеклась и Фрэнсис и тут же затараторила:

— Я буду рада вас видеть. Я свободна. То есть у меня эти дни свободны. Я все время дома. Приезжайте в любое время. Когда вы сможете приехать? Если тронетесь прямо сейчас, то прибудете как раз к ужину. Даже если и задержитесь, то все равно по-

спеете к ужину, я буду вас ждать. То есть ужин будет вас ждать. Вы совсем сбили меня с толку.

— Мне не хотелось бы вас затруднять...

— Вы нисколько меня не затрудните.

— Так я выезжаю.

— И я выезжаю.

— Куда?

— В магазин! Я сделаю вам стейк, толстый, брызжащий жиром стейк, хорошо прожаренный стейк. Ведь вы, русские, не любите мясо с кровью. Зачем вам мясо с кровью, если у вас кровь — в жилах.

Кровь в жилах у Сарова была. Он ее чувствовал. Она бурлила.

* * *

По телефону все было проще. Находились слова, не надо было думать, куда девать руки, не надо было следить за выражением лица. Они стояли на пороге ее дома, Саров крепко вцепился в ручку чемодана, Фрэнсис нервно мяла кокетливый передничек.

— А шкатулка несколько разбухла за эти дни, — первой пришла в себя девушка.

— Это чемодан, — серьезно сказал Саров, — в нем антикварный кинопроектор.

— Обожаю антикварные кинопроекторы!

— Какой же я идиот! — воскликнул Саров, поставил чемодан на крыльцо, бросился к машине и вернулся с букетом каких-то неизвестных ему, но красивых и приятно пахнущих цветов. — Вот, это вам, — сказал он, вручая букет.

Фрэнсис, как положено, погрузила лицо в букет и, глядя сквозь причудливые цветы, сказала:

— У меня есть калифорнийское полусладкое вино, они будут отлично сочетаться, — и, улыбнувшись: — Вы не поверите, Пьётр, за последний год мне дважды вручали антикварные кинопроекторы, но цветы — впервые.

— Охотно верю, — ответил Саров, — я поверю всему, что вы скажете.

* * *

Стейк был превосходен, толстый, хорошо прожаренный и в то же время сочный. Вино было, пожалуй, сладковато для такого мяса, но Саров не возражал, его целый день тянуло на сладкое. А после ужина потянуло еще сильнее. Какая пленка, когда напротив за столом сидит красивая молодая женщина? Никуда эта пленка не денется, шестьдесят пять лет пролежала в шкатулке и еще одну ночь пролежит, ничего с ней не сделается. Да и женщина, похоже, не против продолжения банкета, покраснелась, глаза блестят, изогнулась, приподнимается...

— Ну же, Пьётр, я сгораю от нетерпения и желания, — сказала Фрэнсис, — когда же мы будем смотреть кино? Обожаю старое кино!

Получил? Нечего губы раскатывать. Тяжело вздохнув, Саров поднялся, достал из сумки шкатулку, открыл ее, вынул бобину с пленкой.

— Не думаю, что это такое уж интересное кино, — сказал он, — сплошная говорильня, вернее, монолог, монолог Теслы.

— Обожаю слушать умных мужчин! Умный мужчина может заговорить меня до... до чего угодно.

Саров немного воспрянул духом. Еще не вечер!

— У вас есть белая простыня? — спросил он.

— Вы очень спешите, Пьётр, — Фрэнсис погрозила пальчиком и сразу же: — У меня темное постельное белье, аквамариновое, антрацитово-черное. Шелковое.

— Я не это имел в виду, — несколько смущенно сказал Саров, — надо сделать экран. Чтобы было лучше видно.

— В России для этого используют простыни? — рассмеялась Фрэнсис. — Ну да, вы, русские, любите подручные средства. Это тупые американцы все покупают в магазине — дрова для камина, желтые листья, чтобы украсить стол в День благодаренья, землю для цветов, экраны, чтобы раз в год посмотреть старый фильм на антикварном проекторе. Пойдемте в студию, у меня найдется, что вам нужно.

Саров, прихватив бобину и чемодан с проектором, поплелся за Фрэнсис. Студия оказалась действительно студией, а не жилой комнатой. Один стол был уставлен какой-то электронной аппаратурой, другой — завален бумагами, на третьем, стоявшем у стены, громоздились электрический чайник, большая банка растворимого кофе, кружка, корзинка с печеньем и флакон с заменителем сахара. На полу валялось несколько листов с рисунками.

«Художница?» — подумал Саров.

— У меня легкий творческий беспорядок, — сказала Фрэнсис, — не обращайтесь внимания. Ставьте свой агрегат сюда.

Она быстро освободила чайный столик и выдвинула его почти на середину комнаты. Затем взяла пульт, нажала кнопку и вдоль противоположной стены сполз вниз белый экран размером в аккурат с двуспальную простыню. Саров принялся неловко собирать проектор — а ведь в руках Сэма все казалось так просто и понятно!

— Давайте лучше я, мне эта техника немного знакома, — мягко сказала Фрэнсис и взяла деталь, которую Саров недоуменно крутил в руках.

— Насколько я понял, — сказал он, чтобы заполнить паузу, — это что-то типа хроники, вручение Тесле медали Эдисона. Интересно будет посмотреть на его лицо! Тесла ведь долго отказывался от этой награды, полагая, и, как оказалось, вполне справедливо, что все выльется в чествование Эдисона, которого всегда превозносили до небес во время этой церемонии. И действительно, тот деятель, что открывал торжественное заседание, ухитрился за время пятнадцатиминутного спича ни разу не упомянуть имени Теслы, хотя говорил о переменном токе и о перевороте в технике, который произвела система переменного тока, зародившаяся, как нетрудно догадаться, в лаборатории Эдисона. По преданию, Тесла покинул зал, и его полчаса искали, пока не обнаружили кормящим голубей на площади неподалеку.

— Все, готово, — сказала Фрэнсис, окидывая критическим взглядом проектор с запровленной пленкой. — Сейчас мы убавим свет, удобно расположимся в креслах, нет-нет, Пьётр, вы в этом, а я в этом, — показала она рукой, — и внимательно посмотрим вашу хронику.

Глава 17

Странная лекция

Застрекотал проектор, зашуршала пленка, прошли первые кадры, пустые, в каких-то потеках и коричневых пятнах, их сменили кадры, перечеркнутые по диагонали, которые трепетали, как андреевские флаги на рее корабля, потом появились дрожащие титры:

*Вручение медали Эдисона Николе Тесле,
Клуб инженеров, Нью-Йорк, 18 мая 1917 года.*

Кадры большого зала с рассаживающейся по местам публикой, беззвучно переговаривающейся. Сцена с президиумом. Некто, стоящий на сцене и что-то вещающий, энергично жестикулируя. Взмах руки — и на экране загораются титры:

«Мрак скрывал Природу и законы ее,

И сказал Бог: Да будет Тесла, и стал свет повсюду».

Тут действительно вспыхивает яркий свет, высвечивая стоящего с краю сцены высокого худого мужчину в прекрасно сидящем черном фраке и белом галстуке. Титры:

«Никола Тесла!»

Тесла, кланяясь во все стороны, проходит к трибуне. Вид зала с аплодирующей публикой, многие встают. Вновь Тесла, он кланяется, прижимая руки к груди, потом поднимает их ладонями к залу, призывая к молчанию. Он открывает рот. И — начинает говорить тихим подрагивающим голосом. «Как на старой пла-

стинке», — подумал Саров и тут же подскочил, беззвучно разевая рот, как персонаж немого кино.

— Давайте послушаем, — тихо сказала Фрэнсис, — мне было безумно интересно.

Сарову тоже было безумно интересно. Многов. Но он сдержал рвущиеся с языка вопросы, опустил в кресло и принялся внимательно слушать. Постепенно он привык и к подрагивающему, не очень четкому изображению, и к немного неестественному механическому звуку. Стали видны мелкие морщинки на лице Теслы, движения его рук приобрели плавность, а голос — силу и звонкость. «Вероятно, это сознание вычищает все дефекты, — промелькнула мысль, — ведь если надеть очки, пераворачивающие изображение с ног на голову, то через какое-то время в мозгу начнет возникать правильная картинка». Впрочем, и эта мысль отступила перед водопадом льющихся с экрана слов.

— Господин президент, дамы и господа! Позвольте мне сердечно поблагодарить вас за понимание и поддержку. Я прекрасно осознаю, что предыдущие ораторы сильно преувеличили мои заслуги. Так положено на такого рода церемониях, так что мне не стоит задирать носа, но и не нужно быть излишне робким. Исходя из этого, скажу, что некоторый кредит доверия я все же заслужил, сделав несколько шагов в новом направлении.

В выступлении одного из ораторов прозвучало желание, чтобы я поведал кое-какие факты личного характера и рассказал о том, как они повлияли на мой труд. Что ж, я удовлетворю ваше любопытство и вкратце освещу эту деликатную тему.

Природа даровала мне яркое воображение, которое, благодаря неустанным упражнениям, изучению наук и явленному мне подтверждению моих теорий, стало очень точным, настолько, что я смог отказаться, в большой степени, от медленного, трудоемкого, неэкономичного и высокочрезмерного процесса практического воплощения тех идей, которые ко мне приходят. Но помимо этого способность видеть желаемые объекты реально и осязаемо избавила меня от болезненной тяги к обладанию брэнной собственностью, которой подвластны многие.

Могу также сказать, что я очень религиозен, хотя и не в традиционном понимании. Я не устаю восхищаться природой — величественным созданием Творца. Тайны бытия, открываемые нашему взору благодаря трудам мыслителей и ученых, поражают меня своей мудростью и одновременно божественной простотой. Мне доставляет большое наслаждение вера в то, что цепь непрерывных изменений, называемая жизнью, бесконечна, что сама смерть не является конечной точкой этих удивительных превращений. Это больше, чем вера, меня убеждают в этом свидетельства, предлагаемые моими органами чувств, равно как и изучение сухих и точных наук. Благодаря этому мне удалось обрести ничем не нарушаемое спокойствие ума, которое защищает меня от неприятностей, и добиться согласия и счастья до такой степени, что я получаю удовлетворение даже от темной стороны жизни, от тягот и невзгод существования.

Теперь, когда я объяснил вам, почему мирским наградам я предпочел труды, позвольте мне перейти к рассказу о моей жизни, довольно необычной и удивительной, полной разнообразных впечатлений и про-

исшествий: Начнем с того, что я... заколдован. Родился я точно в полночь, у меня нет дня рождения, и я никогда его не отмечаю. Но в момент моего рождения, видимо, случилось и кое-что еще, нечто необычное, и именно тогда родители определили мне судьбу священника.

В юности из-за невежества и беспечности я попадал во всякого рода опасные ситуации и переделки, из которых выбирался просто чудом. Я расскажу вам одну историю. Когда мне было шесть лет, я умудрился оказаться закрытым в небольшой часовне в горах, куда люди приходили один раз в году. На этом месте происходили леденящие кровь встречи, а рядом было кладбище. Меня закрыли там, когда я искал воробьиные гнезда, и мне пришлось провести самую страшную в жизни ночь в компании призраков умерших людей. Американцы вряд ли поймут меня, поскольку в Америке нет призраков, Америка слишком молода, а американцы — слишком практичны. Как ведут себя американцы при встрече с призраками, очень точно описал английский писатель Оскар Уайльд. Но Англия — тоже довольно молодая страна, в ней призраки обитают только в старинных замках. Я же родился в древней стране, кишущей призраками. Они толпами проходили у меня перед глазами, пока я сидел в часовне. Наконец, как по волшебству, я был спасен.

После этого было еще много историй. Несколько раз я чуть было не утонул, три или четыре раза меня почти кремировали и один раз я едва не был сварен заживо. Меня хоронили, теряли и замораживали. Я был на волосок от смерти, спасаясь от бешеных собак, вполне здоровых, и даже здоровенных кабанов и дру-

гих диких животных. Я переболел ужасными болезнями — три или четыре раза врачи полностью отказывались от меня, а родители заказывали гроб. На мою долю выпадали всяческие нелепые случайности — не могу вообразить что-то, чего со мной не было. Все эти ужасные годы остались позади, сейчас, перевалив шестидесятилетний рубеж, я крепок и бодр, молод душой и телом, все это я воспринимаю не иначе как маленькое чудо.

Но жизнь моя была удивительной и в ином отношении — как изобретателя. Я не говорю сейчас о сосредоточенности, физической выносливости и энергии — все эти качества довольно обычны. Если вы изучите жизнеописания успешных изобретателей, то обнаружите, что они были, как правило, замечательно сильны и умственно, и физически. Красноречивое подтверждение тому — моя работа в компании Эдисона. Мы начинали свой день в половине десятого и заканчивали в пять утра на следующее утро. Продолжалось это в течение девяти месяцев каждый день. Все сдались. Остались я и Эдисон, но он иногда дремал за рабочим столом. И тогда он сказал мне: «Такого я никогда не видел, торт победителя — ваш».

Но это все внешняя сторона событий, главное же в том, что происходило и происходит у меня внутри. И здесь опять необходимо вернуться к истокам, иначе вы не поймете, как мне удалось сделать все мои изобретения. С самого детства меня одолевал странный недуг — я видел образы и предметы и даже целые сценки, являвшиеся мне в сопровождении вспышек света. Я видел их в реальности, никогда не выдумывал. Меня консультировали у исследователей-психо-

логов и физиологов, а также у других специалистов, и никто из них не мог объяснить этих явлений, они казались уникальными, хотя к ним был предрасположен не только я, мой брат тоже видел образы. Вы можете подумать, что у меня были галлюцинации. Это невозможно. Галлюцинации возникают только в больном, воспаленном мозгу. Моя же голова всегда была чистой, и я никогда не испытывал страха.

Образы, которые я видел, сильно беспокоили меня. Приведу такой пример. Предположим, я был свидетелем похороны. В моей стране такая церемония — настоящая пытка. Мертвое тело покрывают поцелуями, затем обмывают и оставляют для прощания на три дня, потом слышатся тяжкие звуки падающей земли, и наконец все заканчивается. Некоторые картинки, например, гроб, были не просто яркими, но иногда настолько реальными, что, когда я протягивал руку, я видел, как она пронзает изображение.

«Странный пример, — подумал Саров, — особенно для речи на чествовании по поводу вручения престижной награды». Он попытался представить, как какой-нибудь из российских академиков стал бы говорить что-нибудь подобное с трибуны на торжественном заседании Академии наук, собственно, пытался он представить реакцию высокого собрания на подобные невозможные высказывания, но мысли его прервала Фрэнсис.

— Странный пример, — сказала она, — странный потому, что похороны не могли производить на юного Теслу такого сильного впечатления. Он рос в деревне, потом в маленьком городке, у него была многочисленная родня. Смерти и похороны должны были со-

проводить его с раннего детства. Поразить его могла лишь смерть любимого старшего брата, но он говорит явно не об этом.

— Станным здесь является не это, — раздумчиво сказал Саров, — непонятно, где находится, — он чуть загнулся, подбирая слово, — наблюдатель. Для стороннего наблюдателя такая эмоциональная реакция, пожалуй, действительно избыточна, а вот для... — Он замолчал, откинулся на спинку кресла и, подняв руку, стал как бы ощупывать пальцами что-то у себя над головой, потом резким и одновременно боязливым жестом проткнул пространство. — Н-да, — сказал он.

Фрэнсис в ужасе смотрела на него. Саров повернулся к ней, ободряюще улыбнулся, потом перевел взгляд на экран. Тесла неподвижно стоял, молча глядя на них. Убедившись, что они завершили свой разговор, он встряхнул головой и продолжил:

— Теперь я смотрю на это так: эти образы были просто результатом обратного воздействия главного нерва на сетчатку и производили эффект, подобный проекции через линзу. Если мое мнение верно, то можно проецировать образ любого предмета, представленного мысленно, на экран и видеть его. Такая разработка произведет революцию во всех сферах человеческой деятельности. Я убежден, что это можно сделать и что это будет сделано.

Но вернемся назад. Чтобы освободиться от этих мучительных видений, я пытался сконцентрировать свои мысли на чем-нибудь другом, виденном мною раньше, и, поступая таким образом, часто добивался временного облегчения. Но для этого мне приходилось быстро менять воображаемые образы. Вскоре я

обнаружил, что мой запас образов иссяк, «бобина с кинолентой» кончилась.

Тесла вдруг замолчал и обвел взглядом зал, остановив его на... Сарову показалось, что на нем, так что он какое-то время смотрел прямо в глаза Тесле. Потом Тесла чему-то улыбнулся и продолжил:

— Тогда я стал совершать экскурсии за пределы известного мне мирка и увидел новые пейзажи. Сначала они были расплывчатыми и мутными и таяли, когда я пытался сосредоточиться на них, но постепенно я научился фиксировать их. Они приобрели яркость и отчетливость и в конце концов приняли форму реальных предметов. Вскоре я сделал открытие, что лучше всего себя чувствовал, если двигался вдоль открывающихся одна за другой картинок, получая все новые и новые впечатления. Потом они обрели объем, и я научился двигаться внутри их. Таким образом я начал путешествовать. Мысленно, конечно. Ежедневно, а иногда и днем, оставшись один, я отправлялся в свои путешествия. Я видел новые места, города и страны, я жил там, знакомился с людьми, заводил друзей, и они были мне так же дороги, как и те, что окружали меня в реальной жизни, и были ничуть не менее реальными. Этим я занимался до тех пор, пока не повзрослел.

Когда я обратился к изобретательству, то обнаружил, что могу мысленно представлять свои идеи, и притом очень отчетливо. Мне не нужны были модели, чертежи и опыты, я мог создавать их в уме, что я и делал. Таким образом я, не осознавая этого, пришел к развитию, как считал, нового метода материализации изобретательских концепций и идей, который ра-

дикально отличался от чисто экспериментального, непревзойденным мастером коего является, без сомнения, Эдисон. В тот момент, когда изобретатель конструирует какое-либо устройство, чтобы облечь в форму незрелую идею, он неизбежно оказывается в полной власти своих мыслей о деталях и недостатках этого механизма. Пока занимается исправлениями и переделками, он отвлекается, и из поля зрения уходит важнейшая идея, заложенная первоначально. Вы получаете результат, но жертвуете качеством. Мой метод иной. Я не спешу приступить к конструированию. Когда у меня рождается идея, я сразу же начинаю развивать ее в своем воображении. Я меняю конструкцию, улучшаю ее, ставлю опыты, привожу все в движение. Для меня совершенно неважно, запускаю я свой двигатель в мыслях или в лаборатории. Разницы никакой, результат тот же. Таким способом я могу быстро совершенствовать свое изобретение, ни к чему не прикасаясь. Когда учтены все возможные и мыслимые усовершенствования и не видно никаких слабых мест, я строю окончательное изделие. Изобретенное устройство неизменно работает так, как, по моим представлениям, ему надлежит работать, и испытания проходят так, как я планировал. За тридцать лет не было ни одного исключения. Почему должно быть иначе? Инженерной работе в области электричества и механики свойственны точные результаты. Почти каждый объект можно описать математически и просчитать результаты. Но если ситуация такова, что результаты нельзя получить строгими математическими методами или при помощи упрощенных вычислений, у нас есть весь наш опыт и все

знания, из которых мы можем исходить и строить наши модели. Зачем же облекать в форму незрелую идею? В этом нет необходимости, это пустая трата энергии, денег и времени.

Здесь я хочу прояснить один момент, чтобы не возникло непонимания. Могло сложиться впечатление, что в изобретательстве все решает точный расчет, что неудачи, которые терпит изобретатель, долгие искания единственно верного решения обусловлены лишь ошибками в расчетах или несовершенством используемых им математических методов. Что в будущем, когда будут созданы автоматы, способные производить сложнейшие расчеты и даже обладающие памятью, огромной памятью, вмещающей все, что известно человечеству, изобретательство превратится в рутинную процедуру. Это не так. Автомат, созданный человеком или другим автоматом, никогда не будет обладать тем, что свойственно только человеку. Я имею в виду интуицию. Интуиция есть нечто, выходящее за пределы знания. Мы, несомненно, имеем более тонкую материю, которая дает нам возможность постигать истины, когда логическая дедукция или любое другое волевое усилие мозга тщетны. Размышляя логически, мы не можем выйти за пределы определенных знаний, но интуиция позволяет преодолевать громадные расстояния.

Здесь я хочу рассказать одну историю, имеющую отношение к Эдисону, главному персонажу сегодняшнего торжества. Приехав в Америку, я познакомился с Эдисоном, и он произвел на меня необычайное впечатление. Когда я увидел этого выдающегося человека, не имевшего теоретической подготовки, ни-

какой поддержки, достигшего столь многого благодаря невероятному усердию и применению своих талантов на практике, я ужаснулся тому, как бездарно растратил свою жизнь. Я изучил несколько иностранных языков, перерыл горы книг по литературе и искусству и провел свои лучшие годы в библиотеках, читая все, что попадало под руку. Мне подумалось: если бы я приехал в Америку раньше и посвятил все свои мысли изобретательству, как многого бы я смог достичь! Позже я осознал, что не произвел бы ничего. Интуиция питается, с одной стороны, научной подготовкой, знанием множества фактов, далеких от предмета размышлений изобретателя, а с другой стороны, общей культурой и наблюдениями за явлениями окружающего мира. Я неоднократно рассказывал, в том числе многим присутствующим в частных беседах, о том, при каких обстоятельствах открыл вращающееся магнитное поле. Не хочу повторяться, скажу лишь, что в тот момент у меня перед глазами было заходящее солнце, завершающее свой ежедневный оборот, волнистая цепь гор, торчащие вверх вершины деревьев, в голове у меня звучали стихи Гёте, все это замкнуло какую-то цепь ассоциаций, и передо мной предстало вращающееся магнитное поле, которое тут же обросло металлическими деталями.

Или еще один пример. Однажды, когда я гулял по лесу, разразилась страшная гроза, и я укрылся под деревом. Воздух сделался тяжелым. Вдруг ударила молния, и сразу после этого хлынул ливень. Тогда у меня появилась первая идея. Я понял, что солнце поднимает ввысь водяные испарения, ветра гонят их в отдаленные регионы, где они собираются и дости-

гают того состояния, когда легко сгущаются и вновь проливаются на землю. Этот животворный поток под-держивается исключительно энергией солнца, и мол-ния, или иной подобный фактор, служит только спус-ковым крючком для того, чтобы высвободить энергию в нужный момент. Я начал работать над проблемой создания машины, которая позволила бы высвобож-дать потоки воды в нужном месте и в нужное время. Если бы это стало возможным, мы могли бы извле-кать неограниченное количество воды из океанов, создавать озера, реки и водопады и безгранично увеличить количество гидроэлектроэнергии, которой сейчас недостает. Все это привело меня к созданию электрических эфффектов необычайной силы. Я также создал ряд устройств для беспроводной передачи энергии. В 1908 году я подал заявку на патент с опи-санием устройства, которое, я был в этом уверен, могло сотворить чудо.

Саров подскочил на месте. Тесла перевел взгляд в зал и, глядя в глаза Сарову, сказал, с сожалением разведя руки:

— Инспектор-испытатель Патентного бюро был из Миссури... Я вижу улыбки в зале. Не думаю, что это уроженцы славного штата Миссури, просто они име-ли с ними дела. Они уже все поняли: инспектор не по-верил, что предложенное мною можно сделать, и па-тент мне не выдали, единственный раз в моей жизни. Инспектор хотел своими глазами увидеть устройство в действии, увидеть результат его работы. По ряду причин я не мог показать ему этого. Он так и не по-нял, как ему повезло. — На лице Теслы промелькнула легкая улыбка.

— Как бы то ни было, рано или поздно, при моей жизни или после, но проект передачи энергии через пространство затмит все остальные, он обречен на успех. Об этом говорит не только моя интуиция, но и мой опыт. Уже в описанное мною время мне приводилось передавать энергию без проводов на любое расстояние, ограниченное только размерами земного шара. Моей системе все равно, какое задано расстояние. КПД передачи может достигать 96 или 97 процентов, а потерь практически не существует, за исключением тех, что возникают при работе машин. Когда нет приемника, нет и потребления энергии. Когда мы включаем приемник, он потребляет энергию. Это как раз противоположно волновой теории Герца. В этом случае, если у вас имеется передатчик мощностью в тысячу лошадиных сил, он излучает постоянно, и не важно, принимается ли где-либо энергия. В моей системе энергия не теряется. Когда нет приемников, передатчик потребляет только несколько лошадиных сил, необходимых для поддержания электрических колебаний; он работает вхолостую, как электростанция Эдисона, когда моторы и лампы выключены.

За последние годы я несколько улучшил систему, сделав ее, с одной стороны, более практичной, а с другой, расширив ее возможности, которые более не ограничены земным шаром, ей доступны все миры. Недавно я все же получил патент на передатчик, при помощи которого можно на практике передавать любое количество энергии на любое расстояние. Мы поставили несколько опытов совместно с господином Стоуном, которого я считаю если не самым одарен-

ным, то уж точно одним из самых одаренных из ныне здравствующих специалистов. Я сказал господину Стоуну: «Вы видели мой патент?» Он ответил: «Да, я его видел, но подумал, что вы сошли с ума». Когда я объяснил суть дела, он сказал: «Теперь я понимаю его величие», — ему стал понятен принцип передачи энергии.

В заключение я хочу сказать, господа, что мы движемся к великим свершениям, но мы должны быть готовы к состоянию, так сказать, временного паралича. Мы стоим перед кризисом, какого мир еще не видел, и в ближайшие годы все наши усилия будут сосредоточены на том, чтобы выжить в условиях этого кризиса и преодолеть его последствия. Как раз этим я в настоящее время и занят. Благодарю за внимание.

«Как-то очень резко он свернул свою речь, — подумал Саров, — как будто сказал все, что хотел сказать. Или действительно сказал все, что хотел сказать? И о каком кризисе он говорил? Дело было в начале 1917 года. Вряд ли он имел в виду грядущие события в России или Великую депрессию и Гитлера с фашизмом и Второй мировой войной. Тесла был, конечно, великий человек; но заглядывать в будущее никому не дано, это все сказки. Н-да, непонятно».

Глава 18

В кулуарах собрания

Саров поставил на стол пустую чашку из-под кофе, откинулся в кресле, посмотрел лукаво на молодую женщину, сидевшую напротив.

— Только не убеждайте меня, Фрэнси, что Тесла придумал еще и звуковое кино, — сказал он, смеясь.

— Не придумал, то есть он никогда не говорил об этом вслух. Но ведь мог придумать!

— Мог. Там, в общем-то, и придумывать ничего не надо было. Все упиралось в технику.

— Ну вот видите!

— Что я должен видеть?

— Что он мог придумать. И устройство создать.

— И звук на киноленту записать, — продолжил Саров.

— Вот именно!

— Угу. А еще он создал удивительный проектор, который воспроизводит звук, не имея для этого никаких приспособлений, включая динамики, и передал этот уникальный экземпляр потомкам.

— А что, не мог? — с обидой в голосе спросила Фрэнсис. — Шкатулку же передал. Какая разница?

— Разницы никакой, согласен. Особенно если они хранились вместе, на одном чердаке. Тогда зачем весь этот спектакль? Шкатулка в Санта-Фэ, проектор в Колорадо-Спрингс.

— Не хранились, — тихо сказала Фрэнсис, — у меня была одна шкатулка, а этот проектор я первый раз вижу.

— Верю, — улыбнулся Саров, — этот проектор вы действительно видите в первый раз в жизни. Потому что если б вы видели его раньше, вы бы никогда его не забыли и сразу узнали. Ведь это не простой проектор, это волшебный проектор. Он продолжает работать и выдавать изображение даже тогда, когда пленка давно кончилась. Такой аппарат мог выйти только

из рук Теслы, это фокус в его стиле. Да! Это еще какой-то самообучающийся проектор! То рябил и пестрил целлулоидной пленкой, а потом вдруг раз — и начал выдавать цифровое изображение в лучших традициях «Планеты Голливуд».

— Я не успела, — еще тише сказала Фрэнсис, — у меня было мало времени.

— Что не успели?

— Доделать фильм.

— Значит, ваша работа... — протянул Саров.

— Да, это моя работа, я этим занимаюсь, — виновато сказала Фрэнсис и, собравшись с духом, быстро заговорила: — Я когда нашла эту шкатулку, то сразу поняла, что документы очень ценные. Я слышала о Тесле, мне еще дедушка рассказывал. И в Интернете я посмотрела, просветилась. Но я ничего не могла понять. Все эти приборы, электричество. Вы понимаете, как течет электрический ток? Конечно понимаете, все мужчины это понимают, а вот женщины — нет. Это единственное препятствие на пути феминизма, что женщины не могут понять некоторых вещей, над которыми мужчины даже не задумываются.

— Шкатулка, — тихо сказал Саров.

— Для меня все бумаги из шкатулки были как темный лес, смотрю, а ничего не вижу, то есть не понимаю. Я даже повесть Марка Твена не поняла, хотя два раза подряд прочитала. Это какой-то непривычный Марк Твен. Я все ждала, когда же главные герои отправятся в будущее, откуда прибыл таинственный незнакомец, там бы начались всякие забавные приключения в стиле Марка Твена, но этого не случилось.

И зачем он это написал? Я все ломала голову, но так ничего и не придумала.

— Пленка, — шепотом напомнил Саров.

— Пленка — это мое, в пленках я понимаю. То есть я в кино понимаю. А еще вернее, в создании изображений. Я и в Голливуде подрабатывала, — с гордостью сказала Фрэнсис, но тут же спохватилась: — А вообще-то я занимаюсь анимацией, компьютерной графикой, я в институте работаю, здесь, в Санта-Фе. Я поэтому в эту пленку так и вцепилась. Достала проектор, просмотрела и — опять ничего не поняла. Зачем все это? То есть кому это интересно? То есть, конечно, интересно, как всякая старая хроника, интересно увидеть, как выглядел Тесла на самом деле — фотографии ведь не дают такого представления, не так ли? Но эта пленка, как бы это сказать, не эксклюзив. Все документы из шкатулки эксклюзивны, все содержат пометки, сделанные рукой Теслы, автограф мастера придает ценность даже ресторанному счету, а пленка... Она наверняка есть в каком-нибудь архиве или была при жизни Теслы, зачем ее хранить? И я тогда решила... Вы правильно угадали в первый раз, когда мы переписывались с вами. Я расчетливая особа, как и все американцы. Я решила сделать из этой пленки короткий фильм и продать его какому-нибудь образовательному каналу. Это просто, то есть сделать фильм из этой пленки — просто. Тесла все время стоит на одном месте, движутся губы, глаза, руки, изредка он наклоняет голову, иногда улыбается. Надо лишь согласовать все эти движения с текстом. Образец голоса Теслы я тоже достала. Тут еще меньше нужно. Пусть актер скажет мне одну коротенькую фразу, че-

рез неделю я озвучу любой фильм с его участием, никто не отличит, и он сам в том числе. Так что тут все чисто, с экрана говорит Тесла.

— А текст? — спросил Саров.

— С текстом я намучилась, хотя думала, что это самое простое. Но ведь я не специалист по Тесле.

— Я не это имею в виду. Я тоже невеликий специалист по Тесле, нет-нет, Фрэнсис, не спорьте, я любитель, я поклонник таланта Теслы, не более того, но кое-что читал. Так, вот, полный текст этого выступления Теслы мне ни разу не попался, хотя ссылок на него и цитат предостаточно.

— Я об этом и говорила! В результате долгих поисков я нашла текст на сербском сайте, слава богу, что на английском. Но текст был какой-то странный, очень длинный, путаный...

— Тесла был, как бы это помягче сказать, многословен, а полные тексты своих выступлений не готовил заранее. Да и вся обстановка того собрания... Я вам рассказывал... Немудрено, что временами он мог говорить сбивчиво и путано.

— Здесь немножко другое. Такое ощущение, что речь записывали несколько разных людей, а потом просто сложили получившиеся варианты, не потрудившись убрать повторы и разночтения.

— А вы убрали? — с улыбкой спросил Саров.

Фрэнсис кивнула головой с виноватым видом.

— Я сделала что-нибудь не так? — спросила она.

— Нет, вы все сделали правильно. И все правильно угадали. Пленка ценна не сама по себе, она лишь знак, указатель на текст, смысл — в тексте. И мне кажется, что этот смысл вы уловили верно. Хотя, конеч-

но, надо внимательно прочитать исходный текст, тот, что вы достали, вдруг вы что-то упустили, какую-нибудь мелкую деталь.

— А что вы уловили?

— Пока все очень неопределенно, — Саров повертел пальцами в воздухе, — но кое-что проясняется.

— Я помогла вам в вашем расследовании?

— Каком расследовании?

Вопрос остался без ответа. Собеседники молча смотрели друг на друга. Наконец Саров сказал:

— Вы попросили меня изучить некоторые документы, чтобы определить их значимость. В моем исследовании, — подчеркнул он, — рано ставить точку. Но надеюсь, что в ближайшие дни я заполню имеющиеся пробелы.

— В Америке то, чем вы занимаетесь, называется расследованием. У нас так говорят, — извиняющимся голосом сказала Фрэнсис, — но вам, как ученому, конечно, ближе слово исследование, я понимаю. И каковы же предварительные результаты вашего исследования? Расскажите, пожалуйста, мне ужасно интересно. Я страсть какая любопытная! А вы так увлекательно рассказываете! Так много знаете!

«Ох, лиса! — подумал Саров, сдерживая улыбку. — Знаешь, как с нашим братом обращаться!» Улыбаться расхотелось.

— Конечно, расскажу, — сказал он, — вот заполню пробелы и — расскажу. Будет повод навестить вас. Заодно и шкатулку с документами верну.

— Не спешите! Ой, я хотела сказать, не спешите возвращать шкатулку с документами. А заезжайте в

любой день. Как заполните какой-нибудь пробел, так и заезжайте, я буду вас ждать.

«Похоже, мне мягко намекают, что пора и честь знать», — подумал Саров.

— Что ж, время позднее... — сказал он, поднимаясь с кресла.

— Ну куда же вы поедете? Время позднее, — ответила Фрэнсис, но без призыва в голосе, дань вежливости, не более того.

Саров подошел к проектору.

— Нет-нет, — быстро сказала Фрэнсис, — позвольте мне. А вы сделайте, пожалуйста, еще по чашечке кофе.

— Надеюсь, когда-нибудь вы мне расскажете, как вы все это сделали, — сказал Саров, улыбаясь.

— Может быть, и расскажу, — кокетливо ответила Фрэнсис.

— Ловко вы меня провели! — воскликнул Саров.

«Вот только зачем? — подумал он. — Зачем все эти тайны мадридского двора?»

— Вас очень трудно провести, Пьётр!

Глава 19

Будь проще!

Трудно искать черную кошку в темной комнате, особенно, если ее там нет. Эта древняя мудрость вспомнилась Сарову после того, как он по возвращении в Колорадо-Спрингс еще раз просмотрел документы из шкатулки. Три дня назад казалось, что в них действительно содержится некое зашифрованное

послание, скорее даже что-то вроде инструкции или руководства к действию. Во время вторичного посещения дома Фрэнсис и совместного просмотра старой киноплёнки это ощущение не только окрепло, в голове забрезжила разгадка, стали проступать контуры какой-то установки, казалось, еще чуть-чуть и... И — ничего. Все резко свернулось, и наступило отрезвление. Сейчас все представлялось таким образом, что он просто пошел на поводу у Фрэнсис, которой непременно хотелось, чтобы документы из шкатулки были чем-то большим, чем собранием автографов Теслы, что, поддакивая ей, он сам невольно поверил в существование какого-то зашифрованного послания, что же до забрезжившей разгадки и видений контуров некой установки, так это все следствие откровений Теслы в прослушанной ими лекции.

В комнату заглянул Сэм, окинул оценивающим взглядом кипу документов, опустошенную шкатулку, понурого Сарова, понимающе кивнул и с преувеличенной бодростью сказал:

— Что-то засиделся ты, парень, над своими бумагами. Эдак можно и умом двинуться. Поедем-ка лучше в горы. Давно собирались.

В горы так в горы. Саров был сейчас на все согласен. Тем более что он был уверен, что Сэм тянет его в горы не ради прекрасных видов или свежего воздуха, что у него есть в заглазнике какой-то сюрприз. Так и оказалось. Сэм не долго мучил Сарова горными дорогами и пронизывающим ветром на смотровых площадках, где-то через пару часов он мягко дотронулся до руки Сарова и сказал:

— Сейчас будет поворот направо. Вот, сразу за

мачтой высоковольтной линии. Поверни. Заведем в одно место.

Единственным указателем была табличка с надписью «Частная собственность». Узкая дорога шла через негустой лес, главной достопримечательностью которого служили щедро разбросанные валуны, покрытые мхом. Через полкилометра дорога уперлась в символические ворота, сделанные из нескольких толстых жердей и навевавшие мысли об американском ранчо или русской деревне. Сэм вылез из машины, отъехал в сторону створку ворот, призывно махнул рукой.

Бревенчатый одноэтажный дом с высокой двускатной крышей, скалистые горы за спиной и горка из камней перед домом, пологий склон с разбросанными там и тут кустами. Смутно видневшийся поодаль и внизу город лишь подчеркивал уединенность этого места и его оторванность от цивилизации. Саров вдруг ощутил необычайную легкость в теле и мыслях, как будто он парил над землей, возносясь к высшим сферам бытия и сознания. «Возможно, нечто подобное испытывал в этих местах Тесла», — подумал он и, повернувшись к Сэму, сказал:

— Славное местечко! Ваше? — Сэм кивнул головой. — Загородное поместье?

— Что-то вроде этого, — сказал Сэм, неопределенно помахав в воздухе рукой, и добавил: — У нас раньше все люди стремились обзавестись домиком в горах или у озера, в общем, на природе, чтобы было куда сбегать от городской суеты.

— У нас тоже, — ответил Саров, — только у нас еще

и выращивали что-нибудь полезное, картошку, ягоды, фрукты.

— О, экологически чистые продукты, — понимающе протянул Сэм.

— Да нет, просто продукты, у нас были с этим проблемы, — сказал Саров, — тут уж не до экологии и не до природы. Участки были небольшие, что-то в десятую долю акра, и плотно лепились один к другому, сотни участков. А у вас тут просторно. И соседей нет.

— Есть, несколько таких же бирюков, как и я. Я их и не вижу.

Саров тоже не увидел вокруг никаких домов, сколько ни всматривался.

— Славное местечко, — повторил он, — тут бы жить да жить.

— Вот и живи, — просто сказал Сэм.

Саров внимательно посмотрел на него, вопросительно подняв брови. Сэм, наоборот, брови опустил, пряча хитрый взгляд. «Так-так, — подумал Саров, — вот, значит, куда меня заманивали. Что ж, славное местечко». Вот ведь привязалось!

Он повел головой из стороны в сторону. Отметил толстые провода, тянущиеся к дому. Да они никак к высоковольтной ЛЭП подсоединились. Зачем им такая прорва электроэнергии? Почти из самого конька крыши торчала вертикально вверх длинная металлическая спица. Явно не телевизионная антенна. Саров обошел дом. Обнаружил две глубокие, с человеческий рост, ямы, где-то метр на метр. Рядом высились кучи извлеченной породы, преимущественно камни с относительно свежими сколами. Да и листья с хвоей между камнями было немного.

— Недавно копали, — с неопределенной интонацией сказал Саров, то ли вопрос, то ли констатация.

— Прошлым летом, — ответил Сэм и застыл в ожидании следующего естественного вопроса.

«Зачем копали, это мы потом выясним, — подумал Саров, — вернее, Сэм сам все расскажет».

За домом стоял сложенный из бревен сарай без окон и крыльца, с широкой и высокой дверью. Монументальная кладовка, подумал Саров, направляясь к нему. Сэм, опередив его, отомкнул навесной замок, широко распахнул дверь, щелкнул выключателем. Сарай озарился ярким светом, в котором тепло и мягко засветилась медь, которая была тут повсюду и в любом виде — проволока толстая и тонкая, накрученная на бобины, какие-то болванки и заготовки непонятного предназначения, стержни толщиной в палец, листы.

«Страна непуганых идиотов, — подумал Саров, — у нас такое богатство дня бы не пролежало, мигом бы очутилось в пункте приема вторсырья. Совсем местные бомжи обленились, только и знают: мистер, дай десятку!»

Он подошел к прислоненным к стене медным листам. Толстые, почти в сантиметр. Прикинул вес, вышло, что никакой бомж не уволочет. Еще раз прикинул размер — в аккурат в выдолбленные ямы войдут.

— Хорошее заземление, — сказал он, — только дорогов.

— Дорогое! — протянул Сэм. — Мы хотели еще жидким воздухом залить, вот это было бы дорого!

Сказал и осекся. «Как учил нас великий Тесла», — подумал Саров и продолжил вслух:

— Лучше жидким азотом. В советское время жидкий азот у нас стоил дешевле газировки.

— А сколько стоила газировка? — спросил Сэм.

— Одну копейку, — ответил Саров, — что-то около цента, за стакан, это если без сиропа. С сиропом — три копейки.

— Все равно почти даром, — сказал Сэм и махнул рукой в сторону дома: — Давай зайдем, что ли?

Они поднялись на высокое крыльцо, вошли в дом. Никаких перегородок внутри, входная дверь открывалась в единственную комнату, казавшуюся очень большой, потому что в ней почти ничего не было. Посередине стояла катушка, свернутая из толстой медной проволоки диаметром около двух метров, от нее вверх шел провод, соединявшийся с толстым медным стержнем, судя по всему, с антенной, торчавшей из крыши. Вдоль всей дальней глухой стены тянулся стол, на котором ничего не стояло, на стене висела запаянная с двух сторон стеклянная трубка, обычная трубка, без проводов и прочих приспособлений. Саров перевел взгляд в левый от себя угол. Холодильник, антикварного вида умывальник, тумба, на которой стояли электроплитка и чайник, прислоненная к стене разделочная доска, над ней несколько висящих на гвоздях металлических кастрюль и сковородок, микроволновка на специальной полочке. Саров посмотрел вправо. Узкая лежанка, покрытая сшитым из красных и зеленых квадратов одеялом, простой дощатый стол, на их фоне офисное кресло на колесиках смотрелось неуместно. Впрочем, сбоку от стола стояла обычная деревянная табуретка. Жить можно, подвел итог Саров.

— Тут и Сеть есть, — сказал Сэм, — вот только удобства на улице, биотуалет, рядом с сараем.

— Ничего, мы привычные, — ответил Саров.

— Я музей тут начал создавать, — сказал Сэм, — давно, очень давно. Все сам, нелегко было. Кое-что собрал, кое-что сделал. Но здесь места мало, сам видишь. Пришлось в город все перенести.

— Друзья помогли? — спросил Саров.

— Да, — ответил Сэм, — я же со многими в поисках материалов контактировал, у нас даже некое общество образовалось, насл... — Он запнулся и быстро продолжил: — Людей, которые наследием Теслы интересуются, вот они и помогли. Я бы сам тот дом, где сейчас музей, не потянул.

— Значит, музей теперь там, а здесь что-то вроде лаборатории, — сказал Саров.

— Что-то вроде этого, — пожал плечами Сэм.

* * *

«Зачем нужно было так все усложнять? — с легким раздражением подумал Саров, глядя на кипу лежащих перед ним бумаг. — Истина как соль, если хочешь спрятать кристаллик соли, совсем не обязательно растворять его в кубометре воды, достаточно поллитровой бутылки. Можно вообще не растворять, а положить в пакетик и оставить на видном месте — никто не заметит. Если Тесла хотел оставить какое-то послание потомкам, то почему он не написал все четко и ясно, для конспирации, коли уж нашла охота играть в эти игры, придав тексту вид черновика статьи. Засунь его в стопку из десятка других статей и — все, ни

одна собака не найдет, разве что будет точно знать, что и где искать».

Положим, где искать, он знал — вот в этой самой кипе. Он даже принял в качестве исходной гипотезы, что существует предмет поисков. Вот только он никак не мог определить, что же, собственно, надо искать. Древняя мудрость несколько трансформировалась: трудно искать черную кошку в темной комнате, особенно, если на самом деле это не кошка, а мышка.

«Неужели Тесла так ничему и не научился за свою долгую жизнь? — продолжал размышлять Саров. — Сколько раз он подносил человечеству на блюдечке великие изобретения, а люди не принимали дар. В некоторых случаях из эгоистических соображений, как тот же Морган с беспроводной передачей энергии или Форд с электродвигателем, это еще можно объяснить. Но в других-то — от непонимания, от нежелания понять, от неспособности понять. Почему Тесла считал, что в будущем люди будут способны понять его идеи? Они что — станут умнее? Мы — стали умнее?»

Под словом «мы» Саров подразумевал ученых. И он сильно сомневался в том, что ученые начала двадцать первого века умнее их старших коллег времен Николы Теслы, Эйнштейна, Шредингера, Бора, Гейзенберга и прочих. Старики были широки, они видели общую картину мира и решали глобальные проблемы. А мы, нынешние, слишком специализированы, слишком узки, мы видим лишь узкий фрагмент картины и занимаемся техническими задачами. Знаем-то мы в своей узкой области неизмеримо больше, но применяем эти знания как-то механически, не задумываясь над сутью вещей и явлений. А как стали во

всем полагаться на компьютеры, так вообще думать разучились.

«Да, старики записки Теслы скорее всего бы поняли», — подумал Саров и принялся вновь перебирать карточки, на которые он выписал некоторые ключевые, как ему казалось, выдержки из найденных в шкапулке текстов. С карточками получалось не то чтобы лучше, чем на компьютере, но как-то по-другому, совсем другие мысли приходили в голову. Он раскладывал пасьянс из карточек, так и эдак, надеясь, что какое-то сочетание вызовет цепь ассоциаций, нетолкнет на ключевую мысль, покажет путь к разгадке.

Ничего не получалось. Самое простое содержалось в письме Моргану: «То, что я задумал, не есть просто перенос сигналов на большие расстояния без употребления проводов, а скорее трансформация всего глобуса в существо чувствующее, каким именно и является глобус, могущий чувствовать всеми своими частями, и сквозь который мысль проносится, как через мозг».

Все остальное именно что проносилось через мозг, не оставляя там никакого следа. Мозг отказывался понимать фразы типа: «В ходе экспериментов удалось определить частоту и вид модуляции тонкого тела живых людей и развоплощённых душ». Последнее Саров перевел только с помощью словаря, в потом еще пришлось найти в Сети и прочитывать, что такое развоплощённая душа. Понимания это не прибавило. Слово «душа» Саров всегда употреблял исключительно в метафорическом смысле, в бога Саров не верил, а без бога и души нет, так он себе представлял. Как несуществующее можно охарактеризовать какими-то частотами? Да никак нельзя. Тупик.

Еще труднее оказалось поверить в эфир. Бог и душа лежали за пределами знания, это все вопрос веры, Саров, например, не верил, но он мог ошибаться. Он в этом деле не эксперт, можно сказать: полный профан. Он до самого последнего времени даже не задумывался над этими вопросами. Его неверие было той же самой верой, но со знаком минус. Он в этом неверии вырос и прекрасно обходился все эти годы без бога и души, они ему были не нужны даже на уровне гипотезы. Но если ему явят неопровержимые доказательства их существования, то он вполне может изменить свою точку зрения. Вот до чего он додумался, сидя в одиночестве в избушке в Скалистых горах.

С эфиром другое дело. Тут Саров считал себя экспертом, он это давнее заблуждение разбивал на лекциях студентам походя. И всегда досадовал, что Тесла так упорно держался за эту концепцию. И в своих записках все выводил именно из нее. Материя у него выходила одной из форм возбужденного состояния эфира, «сгущенным светом». Все объекты, включая людей, были сложены фактически из электромагнитных волн, все события, происходящие в природе, были лишь проявлением действия этих волн, все в мире, вещи, люди, происходящие с ними события, оказывалось во взаимосвязи за счет электромагнитного резонанса, который возводился в статус одного из наиболее общих природных законов. Из этого вытекало множество выводов. В частности, то, что, будучи связанными за счет резонанса со всей Вселенной, мы, в принципе, знаем все обо всем, надо только уметь распознать это знание. Что резонанс устраняет вре-

мя и расстояние. Что материя рождается из эфира за счет резонанса. А еще каждый объект, каждый человек, должен характеризоваться некоторым набором частот, строго индивидуальных, своеобразным идентификатором, который позволяет человеку воздействовать на любой другой объект Вселенной, влиять на все космические процессы.

Саров посмотрел на карточку, на которой было написано: «Сознательное намерение обладает огромной мощностью, и наш главный выбор заключается в том, чтобы принять ответственность за его результаты». Подобные фразы он встречал и раньше в различных статьях Теслы, но теперь она приобрела совершенно другое звучание.

Вообще-то Саров не в первый раз столкнулся с такими теоретическими построениями. Апостолы так называемой новой физики, ссылавшиеся на Теслу как на мессию, заполонили Интернет своими статьями об эфире, новой концепции времени-пространства и связи всех объектов и явлений посредством резонанса. Но если бог лежал за пределами знания, то эти работы лежали за пределами науки, в сфере псевдонауки, они были уделом маргиналов, не принадлежавших к научному сообществу. Научное сообщество было в этом смысле чрезвычайно строго, ученые могли снисходительно посмеиваться над верой кого-нибудь из коллег в бога, но любой отход от «генеральной линии» в науке карали беспощадно — изгнанием из своих рядов. Собственно, все общепринятые современные воззрения объявлялись когда-то ересью и псевдонаукой, меланхолично подумал Саров, и тогдашним ученым новые теории казались столь же

неубедительными, как и построения апостолов «новой физики» ему самому. Да и Тесла, к сожалению, тоже неубедителен. Он еще раз просмотрел записи на листах, приколотых к поздравлению Эйнштейна. Математические выкладки выглядели как-то слишком просто, можно сказать, по-детски, из-за этого вся теория представлялась несколько наивной.

Единственное, что Саров воспринял более или менее спокойно, были рассуждения Теслы о «параллельных мирах». Концепция множественности миров, как бы вложенных один в другой, всерьез обсуждалась в научном сообществе. При вполне разумных предположениях она вытекала из существующих теорий и была ничем не хуже той же теории Большого взрыва — не противоречила имеющимся научным данным, но и не имела никаких доказательств. Некоторые фразы Теслы можно было понять таким образом, что он нашел способ установления некоторой связи между частотами колебаний нашего мира и других миров, это еще можно было допустить, и даже способ перемещения физических объектов, а вот это в голове не укладывалось.

* * *

«Все, — решительно сказал сам себе Саров, — пора завязывать с этим делом».

Но при этом он не сложил вещички и не укатил в Лос-Анджелес, что было бы, несомненно, самым здравым его поступком за последние десять дней. Он лишь оставил попытки разобраться в теории, сосредоточившись на практике. В конце концов, для того, чтобы собрать компьютер, совсем необязательно

разбираться в физике полупроводников и понимать принципы магнитной записи информации. А чтобы работать на компьютере, необязательно знать языки программирования. Излишнее знание вообще вредит. Сын, Ромка, осваивал все компьютерные игры намного быстрее Сарова, не заглядывая ни в какие инструкции и не пользуясь «помощью». У Сарова даже мелькнула крамольная мысль, что сам Тесла, возможно, не всегда понимал, как работают его устройства. Озарение потому и озарение, что ты сразу приходишь к конечному результату, минуя покрытые тьмой незнания участки, на которых увязают другие, мыслящие логически и последовательно. А если устройство работает, то какая, в сущности, разница, почему оно работает?

Стоило Сарову принять эту точку зрения, как дело сразу пошло на лад. И зачем он столько времени зря потерял?! Ведь с самого начала его не оставляло ощущение, что все технические документы, лежащие в шкатулке, имеют отношение к одному вполне конкретному устройству. Он отобрал все чертежи и схемы, включая нарисованные на клочках бумаги, на салфетках, на полях статей. Каждая деталь была изображена как минимум на двух рисунках. К примеру, магнитный сердечник для трансформатора на чертеже, приколотом к счету-фактуре, на нем тщательно нанесены размеры, диаметр, длина, и требования к материалу. Точно такой же небрежный рисунок на полях статьи с единственным числом — $1/16$. Можно предположить, что необходимо взять сердечник, размером в 16 раз меньше, чем изображенный на чертеже. И так шаг за шагом, пока не осталось ни одной

незадействованной детали, ни одного неиспользованного числа, все сошлось. Саров если чем и восхищался, то отнюдь не точностью своего анализа, а тщательностью работы, выполненной Теслой на излете жизненных сил.

Теперь оставалось собрать детали в схему. Фрагменты схемы тоже наличествовали, разбросанные там и тут, две-три детали, соединенные между собой с оборванными линиями выходов. Вновь в ход пошли карточки. На них Саров перенес все нанесенные фрагменты и принялся складывать их как пазл, соединяя оборванные линии, пока перед глазами у него не появилась схема, электрическая схема устройства, которое он определил как резонансный приемник-усилитель.

Уф, облегченно выдохнул он.

Похожий звук издал и Сэм, который заехал к Сарову тем же вечером, привез продукты. Он мельком глянул на письменный стол, на котором по-прежнему лежал сложенный из карточек пазл, и сразу оживился, засуетился, принялся складывать из привезенных продуктов собственный пазл, вышло что-то весьма вкусное и хорошо сочетающееся с виски «Мэйкерс марк». В общем, получился у них маленький праздник.

Глава 20

Черная пятница, март

В тот вечер Сэм, естественно, никуда не поехал. А поднявшись с утра, озадаченно спросил: «А какое сегодня число?» — и стал шарить глазами по стенам.

Точно ответить ему Саров не мог, он сам сбился со счета дней, поэтому он взял мобильник, разблокировал клавиатуру, хотел уже посмотреть на дисплей, но Сэм отвлек его.

— Молодежь! — протянул он. — А я больше люблю по старинке, чтобы календарь на стене висел. Где-то ведь у меня был. — Он принялся бродить по комнате, заглядывая во все углы, под столы, приговаривая: — И куда же я его засунул? А, вот он! — воскликнул, наконец, Сэм, извлекая рулончик из-под лежанки. — Мемориальный, между прочим, коллекционеры бы с руками оторвали.

Он развернул рулончик. Обычный настенный календарь на 2009 год, разве что картинка необычная, хотя и очень известная, и широко растиражированная: Тесла сидит в кресле, читает книгу, вокруг — молнии, молнии, молнии. И надпись соответствующая в картуше почерком, похожим на почерк Теслы: Эксперимент Николы Теслы, Колорадо—Спрингс, 1899.

— Юбилей какой-никакой, — сказал Сэм, приклеивая скотчем календарь к стене, — сто десять лет.

Приклеил, собрался и немедленно уехал, даже кофе не попил.

«Очень интересно, — сказал сам себе Саров, подходя к календарю, — зачем это он его привез?» Он точно знал, что никакого календаря под лежанкой не было, после развода с женой он приучился сам делать уборку, не хуже, чем Танька, пожалуй, и получше, вот и под лежанкой шваброй прошелся, до самых стен, ничего там не было.

Впрочем, на календаре тоже кое-чего не хватало. Ведь подобные календари выпускают обычно какие-

нибудь общества или фирмы в качестве дешевого сувенира и одновременно постоянного напоминания о своем существовании, ничего подобного на календаре не было. Но скорее всего было — присмотревшись, Саров заметил, что от календаря снизу было что-то отрезано, очень ровно, но все же отрезано, нижняя кромка была совсем не такой, как верхняя. «Очень интересно, — вновь повторил Саров и уставился на календарь, — нет, все же бестолковая вещь, если вдуматься, — подумал он, — ну как по нему определить число, если ты не знаешь дня недели? И самой недели. И даже месяца. Нет, сейчас все же должен быть февраль». Он принялся прикидывать, сколько дней прошло со злосчастной черной пятницы. Никак не больше десяти. Или все же две недели? Но все равно еще февраль. А взгляд уже переполез на март, прошелся по первому столбцу чисел, по второму и, не дойдя до низа, замер на пятнице, пятнице, 13. «Вот ведь черт!» — воскликнул Саров. Действительно, черт, и пятница его. Впрочем, есть и другие любители этого дня. Вот и Саров ощутил какое-то возбуждение при одной только мысли о нем, какой-то даже зуд, просто руки зачесались что-нибудь сделать именно в этот день. То есть, конечно, не что-нибудь, не абы что, а что-то очень даже конкретное, с непонятым, правда, результатом. Что-то, к чему подталкивали его и документы из шкатулки, и Фрэнсис с Сэмом, которые вдруг объединились впервые в сознании Сарова, и все обстоятельства. «А ведь дел-то еще непечатый край!» — промелькнула мысль, и зуд перешел в лихорадочную деятельность.

Собственно, что он успел сделать? Да, считай,

почти ничего, расшифровал схему приемника. Приемник — он не то и приемник, чтобы что-то принимать. А вот что? Понятно, что электромагнитные волны, какие-то сигналы, но какие? И откуда? Из космоса? Или с Земли? И кто их будет передавать? Или уже передал?

Вопросов много, а ответы должны содержаться в документах из шкапулки, это факт. В который раз Саров разложил бумаги перед собой. Дело все же несколько облегчилось, все, что имело отношение к расшифрованной Саровым схеме, можно было теперь отложить в сторону.

Остались числа, ни к чему не привязанные. Числа и размерности к ним. Вот, например, 38 958 км, это, как было известно когда-то любому школьнику, приблизительно размер меридиана или, если угодно, экватора. Но написанное рукой Теслы имело отношение, конечно, к длине волны. Тем более что сочеталось это со значками «...?» и «...?», написанными на полях одной из статей рядом с абзацем, посвященном сверхдлинным стоячим волнам на земной поверхности.

Удалось также Сарову идентифицировать значения семи частот. Временной декодер, который показал ему Сэм, тоже настраивался на семь частот и в тех же достаточно узких диапазонах. Вряд ли это было случайным совпадением. Это не могло быть случайным совпадением. Но Саров строго-настроено запретил себе задумываться над этим, он прихлопывал любую наклеивающуюся мысль по этому поводу, потому что мысли эти, еще неясные, отдавали каким-то

безумием, тем, что никогда не может быть, потому что не может быть никогда.

Да и не до мыслей о сути вещей было Сарову. Его передатчик беспокоил. Коли длина волны связана с размером Земли, то и передатчик должен быть на Земле, космос здесь ни при чем. Но все же передатчик должен быть далеко, на другом краю Земли. Саров залез в Интернет, вывел на экран глобус, выделил меридиан, проходящий через Колорадо-Спрингс. «И где сидит мой антипод?» — подумал он. Оказалось, что сидеть он может только в лодке в Индийском океане, а вокруг на сотню миль — ни одного островка.

Вид глобуса на экране компьютера напомнил Сарову об одной не совсем понятной картинке в документах Теслы. В машинописном черновике статьи, посвященной истории создания всемирной системы беспроводной передачи энергии, была приведена карта мира в привычном прямоугольном виде, на карте звездочками были отмечены места, где Тесла планировал разместить передающие станции. Над картой ручкой было проставлено: 1903. Той же ручкой на карту была нанесена извилистая линия, она проходила по территории США, по восточным штатам, стекала к Карибскому морю и далее через Южную Америку в Антарктиду, потом выныривала из нижнего края карты, проходила по западной оконечности Австралии, по Индокитаю, делала крюк по Тихому океану, огибая Японию, проникала через Чукотку на территорию России, устремлялась куда-то в середину Сибири, в район Енисея и Тунгуски, и все дальше на юг, огибала Аравийский полуостров, через Эфиопию и Египет выходила на Балканы, а дальше прямо-

ком наверх, к Северному полюсу, почти к полюсу. На полях рядом с этой картой был нарисован прямоугольник много меньший, над которым сверху стоял вопросительный знак, внутри была также нарисована извилистая линия, чем-то похожая на первую, сверху вниз, потом снизу вверх, нарисована пунктиром.

Знакомая картинка, подумал Саров, но тут же отвлекся мыслью на удивительные совпадения: Балканы, восточные штаты США, Тунгуска, места, связанные с именем Теслы. Только потом сообразил, что напоминает ему картинка — изогону магнитного склонения. Залез в Интернет. Точно, она. Вот и по годам данные. Но 1903 год, понятное дело, отсутствует, не измеряли тогда магнитное поле во всемирном масштабе. А вот в 1942 году уже измеряли, картинка один в один с тем, что Тесла нарисовал. Так, наверно, тогда и нарисовал, вернее, срисовал. А магнитное склонение, как известно, меняется с годами, не потому ли и вопрос над вторым прямоугольником? А при чем здесь магнитное поле Земли? Разве что при том, что учитывать в расчетах надо не географические полюса, а магнитные, которые тоже на месте не стоят. Саров учел. Его воображаемый антипод переместился на юго-западный берег Австралии, который оказался удивительно населенным. Вот Перт, почти полтора миллиона человек, знатный город! А вот, хм, Банбери. Очень знакомое название. Он его уже встречал, встречал недавно...

Саров схватил пачку писем из шкатулки. Тесла — Моргану, Тесла — Джонсону, опять Тесла — Моргану, миссис Джонсон — дороговому Тесле, а, вот оно!

«Дорогие друзья, братья,

благодарю вас за поздравления в связи с моим шестидесятилетием. Мне было вдвойне приятно получить их от соотечественников, живущих, как и я, вдали от родины, но хранящих ее в своем сердце. И я был очень польщен вашим желанием основать в Банбери музей моего имени, музей-лабораторию, который бы служил, с одной стороны, просвещению подрастающего поколения, а с другой, позволил бы молодым людям, заинтересовавшимся электротехникой, сделать первые шаги в науке. Прилагаю схему универсального устройства, которое может служить как для научных экспериментов по генерированию стоячих волн, так и для беспроводной передачи сигналов и энергии. Собрать его из доступных и недорогих деталей не составит большого труда, если вы будете следовать инструкции. Еще раз примите мою искреннюю благодарность,

*Навеки ваш,
Никола Тесла
13 августа 1926 года»*

Никакой приложенной схемы не было, как не было никаких пометок ни на полях письма, ни на обороте. Поэтому Саров и не обратил на него внимания. А вот теперь заинтересовался. В первую очередь дату проверил, поспорив сам с собой: если пятница, то за ужином позволит себе полстакана виски, если нет, значит — нет. Выигрыш поднял настроение. С паршивой овцы хоть шерсти клок. Потому что больше из письма было выжать нечего. Повертев его и так и эдак, Саров набрал в поисковике: ~~Bunbury~~ + Tesla. И немедленно

выскочило: Музей-лаборатория Николы Теслы в Бан-бери, Западная Австралия.

Сайт свежий, но год основания музея — 1926-й. Странно, что он ничего о нем не слышал. Да и фамилии отцов-основателей какие-то не сербские, но это уже детали. Информации не шибко много, а вход на форум — только авторизованным пользователям. Саров зарегистрировался, но треп любителей смотреть не стал, ему хватило и перечня сокровищ «библиотеки» — ну почему большую часть поклонников Теслы тянет в эзотерику, в который раз с раздражением подумал он. И открыл фотогалерею. В общем, понятно, как ни пыжаты, а бедновато, в смысле здания и экспонатов. У Сэма куда как лучше, неизмеримо лучше. А вот и гвоздь экспозиции. Знакомое письмо Теслы в рамочке, бесценный автограф. А рядом, как икона в окладе, нарисованная от руки схема. Черт бы вас всех подрал, раздолбай, кто же так документы на сайте выставляет, ни хрена не видно! У вас там что, в Австралии, цифровиков нормальных нет? Все, блин, расплывается при малейшем увеличении! Фотографию приличную сделать не могут, а туда же: сайт, форум, библиотека! Долго ругался Саров, да что толку? Оставалось только полюбоваться видом установки, собранной в каком-то отдельном помещении, да внушающей оптимизм табличкой: действующий экспонат.

Саров нашел в контактах адрес электронной почты директора музея. Написал длинное письмо. Расшаркался по полной программе, какие они молодцы и все такое прочее. Представился и наговорил о себе в три короба, какой он энтузиаст и как на Теслу молится, дал ссылки на свои статьи на разных сайтах

и рассказал о проекте «Энциклопедии славянских народов». Написал, и рука не дрогнула, что был в походем музее в Колорадо-Спрингс, но американцам до них, как от той же Америки до Австралии. У американцев все — новодел да муляжи, а у них — действующий экспонат. Что, действительно действующий? Да он бы полмира пролетел, чтобы посмотреть, как он действует. Они, к слову сказать, не собираются ли его запустить, для демонстрации? А если собираются, то когда? Не могли бы они его известить? А в конце пустяшная просьба: не затруднит ли господина директора прислать ему по факсу, а еще лучше по электронной почте схемку, что у них на сайте выставлена и на стенке в музее висит. Он ее с их разрешения и с неременной ссылкой на музей в Банбери на своем сайте вывесит. А если не разрешат вывешивать, так он ее просто в личный архив положит. Искренне Ваш, с наилучшими пожеланиями, с надеждой на плодотворное сотрудничество, шарк, шарк, шарк.

Саров посмотрел на часы: в Австралии глубокая ночь, или раннее утро, что ж, ответа ждать до завтра, ничего, подождем. Почему-то в том, что ответ непременно будет, Саров не сомневался.

Сэм тоже не сомневался. Он заявился вечером и, застав Сарова за приготовлением нехитрого ужина, подключился к процессу, добавил кулинарных изысков. По ходу дела Саров рассказал ему, что, бродя в Сети, случайно наткнулся на упоминание о музее Теслы в Австралии, посмотрел сайт и даже написал письмо. Простое такое письмо и просто так, для знакомства, вдруг ответят.

— Ответят, — уверенно сказал Сэм, — сразу и ответят, за стол сесть не успеем,

Саров вспомнил свои расчеты, усмехнулся:

— До ужина не ответят.

— Пари! — воскликнул Сэм, он заводной был по части пари, Саров это уже заметил.

— На что?

— Если я выигрываю, но мы вдвоем с удовольствием выпиваем по стаканчику виски.

Саров улыбнулся про себя: он, помнится, недавно спорил сам с собой на то же самое, удивительно они все же с Сэмом похожи! Улыбка выплеснулась наружу.

— А если проиграешь? — спросил он.

— Тогда мы выпьем каждый поодиночке, причем я — без всякого удовольствия.

— Отличное пари! — рассмеялся Саров.

— Ты, чем гоготать, лучше бы почту проверил, — сказал Сэм, — а я пока на стол соберу, ужин-то уже готов!

Ужинать сели не скоро, потому что ответ таки пришел. С приложенной схемой, которая ясно читалась, и с инструкцией Теслы, которой не было на сайте. Саров погрузился в их изучение. Действительно, передатчик, причем поразительно сочетающийся по параметрам с тем приемником, схему которого расшифровал Саров. Вот ведь совпадение! Только Саров задумался об этом, только вперил взгляд в потолок, как подоспел Сэм, молчавший до этого как рыба.

— А пишет-то чего? — нетерпеливо тряхнул он Сарова за плечо.

Письмо было длинным, под статью саровскому. То же расшаркивание по полной программе, нарочито

скромный рассказ о деятельности музея-лаборатории, сетования на ограниченность средств. Маленькая шпилька: наслышаны мы о музее Сэма Шитовски в Колорадо-Спрингс, куда нам до него. А потом о передатчике. Да, действует, последний раз прошлым летом запускали, правда, после очень долгого перерыва. Потому как специалистов нет, городок у них маленький, а установка уникальная, они к ней и прикасаться боятся. Когда последний раз запускали, такое началось! Замкнуло что-то, и все пробки в городке повышибало. Так что когда опять запустят, неизвестно.

Задумчивым сел Саров за стол, не глядя чокнулся с Сэмом, выпил, съел ужин, не ощущая вкуса еды, потом сказал:

— Вы ведь прошлым летом не только копали? Вы ведь тут что-то испытывали?

— Вроде того, — ответил Сэм, — экспериментировали, да ничего не вышло.

— А что делали?

— Так ведь не вышло же, чего и говорить?

— Ну, как знаешь, — не стал давить Саров, — а еще немного позэкспериментировать хочешь?

— Это мы всегда готовы, — ответил Сэм, — а что делать будем?

— Да чего раньше времени говорить? — в тон ему сказал Саров. — Вот когда сделаем да получится что-нибудь, вот тогда это что-нибудь и будем обсуждать, если охота будет.

— Ну, как знаешь, — с легкой обидой в голосе сказал Сэм. — От меня-то что требуется?

Саров взял несколько чистых листов бумаги, написал короткий перечень приборов с характеристи-

ками, потом принялся рисовать разные детали, объясняя размеры и материалы. Это есть, это сделаю, это достану, говорил Сэм, делая необходимые пометки на тех же листах и поправляя некоторые рисунки Сарова.

— А жидкий воздух нужен? — с какой-то даже надеждой спросил Сэм в конце.

— Жидкий азот, — в свою очередь поправил его Саров, — надеюсь, без него обойдемся. Он у вас тут дорог, даже дороже кока-колы.

— Это моя проблема, — сказал Сэм, — ты в голову не бери.

Саров если и взял что в голову, так это необходимость еще раз перелопатить бумаги Теслы на предмет упоминания жидкого воздуха.

Сэм уехал далеко за полночь, отвергнув все уговоры Сарова остаться.

— Дел много, — коротко сказал Сэм, потрясая пачкой исписанных листов.

Дел было действительно много. И главная головная боль — передатчик в Банбери. Как его запустить? Саров сел было писать подробнейшую инструкцию для директора музея, а потом вдруг вспомнил о Володьке Опенкине, который жил в Олбани. Не в том Олбани, что столица штата Нью-Йорк, а в том Олбани, что в Австралии. Куда только не разбросала судьба одноклассников, сокурсников, коллег и прочих знакомых Сарова, вот и в Австралии трудится несколько человек, но на ум пришел именно Володька, потому что парень свой в доску, рукастый и с головой. За что и пострадал, шибко умных нигде не любят, даже и в Австралии, преподает теперь в каком-то коммуналь-

ном колледже, техникуме районного масштаба в городе с населением — Саров залез в Интернет — в тридцать тысяч жителей, располагающийся вдали от основных культурных центров, но, с радостным удивлением констатировал Саров, поблизости от Банбери, всего-то километрах в двухстах. Да если бы и в тысяче, Володька для друга эту тысячу пешком отмахает.

Через день Саров разговаривал с Опенкиным по телефону. Можно было и по мылу списаться, но по телефону надежнее, если что не так, можно уловить. Да и убедительнее получается, когда по телефону, нет у собеседника времени задуматься, как перед текстом на экране компьютера.

— Хочу сделать один эксперимент, описанный в бумагах Теслы, — перешел, наконец, к делу Саров после обмена последними, за три года, что они не общались, новостями.

— Что за эксперимент? — спросил Володька.

— Даже не хочу рассказывать. А то ты подумаешь, что я в Америке умом тронулся.

— Так-так, одна из безумных идей Николы Теслы?

— Вроде того, — ответил Саров, подцелил у Сэма выраженьице.

— А достаточно ли она безумна, как сказал бы старик Альберт, чтобы быть правдой?

— Старик Никола Альберта ни в грош не ставил, но на это он бы сказал: у этого молодого человека бывают иногда правильные мысли.

— Увиливаешь от ответа!

— Всего лишь показываю, что нахожусь в трезвом уме и твердой памяти.

— Показал. Теперь колись: достаточно ли безумна эта идея?

— Эбсолютли!

— Отлично! Согласен на все! Но при одном условии.

— Каком? — спросил Саров.

— Чтобы коалы не пострадали, — ответил Володька абсолютно серьезно.

— Почему коалы? — удивился Саров.

— Ты на Теслу запал, а я на коал. Каждый сходит на чужбине с ума по-своему. Но я сделал эстетический выбор. Коалы — они симпатичные.

— А коалы где обитают? — на всякий случай уточнил Саров.

— Да у нас тут преимущественно, на восточном побережье.

— Коалы не пострадают, — сказал Саров со всей возможной серьезностью.

— Отлично! Что я должен делать?

Саров коротко объяснил.

— Хоть завтра могу поехать, — сказал Володька, — у меня каникулы.

— Какие каникулы в конце зимы — начале весны? У вас такие триместры? — удивился Саров.

— У кого зима, а у кого и лето, — рассмеялся Володька, но потом вновь посерьезнел: — А методику ты мне все же пришли, как можно более подробную, я еще покумекаю, в смысле на месте, вдруг там чего сделать придется.

За Опенкина Саров был спокоен. Да и Сэм не подвел, все доставил вовремя. Даже с поставщиками жидкого азота договорился, но Саров его тормознул, не нашлось в бумагах Теслы ничего о сжиженных газах. Собрали установку, подключили все приборы.

11 марта Володька позвонил.

— У меня все готово, — сказал он.

— У меня тоже, — ответил Саров.

— Чего ждем?

— Срока.

— Может быть, устроим пробный прогон? — предложил Володька. — Никогда не повредит.

— Нельзя.

— Так ведь пробный! Для проверки системы! — чуть не взмолился Володька, совсем, видно, заскучал, потому и позвонил, раньше-то все по электронной почте общался, все по-деловому.

— Пробный — все равно что начало, а срок отсчитывается по началу, — несколько туманно сказал Саров.

Но Володька понял.

— Это как в каталажке! — рассмеялся он. Как в воду глядел.

Двенадцатого Сэм ходил кругами вокруг Сарова, в глаза ему заглядывал, но крепился, ни о чем не спрашивал. Наконец, не выдержал.

— Завтра когда приезжать? — спросил он.

— Да вроде все сделали, — безразличным голосом протянул Саров, — но не в пятницу же эксперимент делать? У меня все пятничные эксперименты либо срывались, либо, как назло, затягивались, так что приходилось все выходные на работе сидеть.

— Но здесь-то все равно... — начал было Сэм.

— Я никогда не начинаю свои эксперименты в пятницу, — сказал Саров, — это мой принцип. И вообще, Сэм, давай так: я завтра здесь, а ты — у себя. Я... один побыть хочу. И — без обид!

Жестко получилось, Саров так не хотел, само выговорилось. Но оказалось, что к лучшему. Сэм сразу

отстал, осмотрел все деловито напоследок и принялся собираться.

Саров подошел к нему со шкатулкой.

— Забери ее с собой, Сэм, она мне больше не нужна, а у тебя целее будет, — сказал он.

— А не боишься? — спросил Сэм. — В ней же, наверно, документы важные, вон сколько ты над ними сидел и все от меня загоразивал.

А у самого глаз хи-итрый! Саров даже обрадовался: не обиделся Сэм, у обиженных таких глаз не бывает.

— Да чего уж там, — сказал он, — тень на плетень наводить.

— Ну ладно, — ответил Сэм, беря шкатулку из рук Сарова, — бывай, Питер. И — удачи тебе!

— Увидимся! — бодро ответил Саров.

К вечеру он пожалел, что прогнал Сэма. Вдвоем как-то веселее время, оставшееся до эксперимента, коротать. В предыдущие недели Саров не страдал от одиночества, привык уже, а тут вдруг взгрустнулось. О Фрэнсис вспомнил. Еще хуже стало.

«Нет, надо чем-то заняться», — сказал он себе. А чем заняться, если один Тесла с его устройствами и документами на уме? Вот и пришла ему в голову идея написать короткий рассказ из жизни Теслы. Если получится, то можно будет такими рассказами дополнить на сайте биографическую справку, оригинально выйдет и для молодых завлекательно.

Принялся писать, сначала со скрипом, а потом расписался. Так увлекся, что чуть полночь не проворонил. Но Володька напомнил по электронной почте: «У меня солнце в зените. Начинаем, что ли?»

Саров ответил историческим «поехали». Включил последовательно установку, все приборы, сам удивляясь своему спокойствию. А оно как будто передавалось установке и приборам, они сразу, без обычных шалостей, деловито загудели, замелькали цифры на дисплеях, перо на самописце немного подергалось, да и поползло вверх, проволочная рамка на приборе Теслы вдруг сама собой плавно двинулась с места, остановилась, двинулась обратно, и — пошла качаться, с каждым разом все шире.

«Все тип-топ. У тебя как?» — написал Саров.

«ТьфуЗ», — пришел лаконичный ответ.

«Володька в своем репертуаре», — усмехнулся Саров.

И сел опять за компьютер. Ожидание могло выйти долгим, непредсказуемо долгим. «Хорошо, если сегодняшним днем обойдемся, а то ведь, как всегда по пятницам...» — подумал Саров и принялся быстро стучать по клавишам: «Пока друзья разговаривали о литературе, в округе происходили странные события. Сначала послышался нарастающий гул, потом стала мелко вибрировать земля под ногами, зазвенели стекла в домах...»

Черная пятница набирала ход.

Глава 21

Американ ээк

Случалось ли вам сидеть в американской каталожке? Ах, вы и в российской-то не парились. Что ж, вам повезло во всех отношениях, кроме одного — вы

не можете сравнить и почувствовать разницу. Не верьте тем, кто говорит, что американская тюрьма лучше нашей, тюрьма — она и в Америке тюрьма, стерильная параша не может компенсировать решетки на окнах.

— Меняю американскую камеру со стерильной парашей на дом в русской деревне с удобствами во дворе с правом свободного выхода в этот самый двор! — крикнул Саров.

Никто не откликнулся. Мудрено ждать ответа, если кричишь по-русски в «обезьяннике» полицейского участка в американской глубинке. В этом — то и состоит главное различие. В нашей каталажке вокруг — родные лица, пусть даже мелькают среди них лица кавказской и среднеазиатской национальности, все одно — наши люди. Оно и глазу привычнее, и поговорить можно по душам, послушать, кто за что ни за что попал, посмеяться вместе над превратностями жизни. А в Америке одна чернота вокруг. Не в том смысле, что одни негры, хотя их как минимум половина. Есть и латиносы, смуглые и черноволосые, мажистого вида. Попадаются и белые лица, но какие-то неестественно белые, как обескровленные, наркоманы, эти хуже всех, особенно когда ломка начинается. Но как ни крути, враждебное окружение, это чувствуется, от этого неуютно. От последнего слова Сарова смех разобрал. Хоть бы кто улыбнулся в ответ или спросил, чего, собственно, смеется человек, может быть, анекдот какой вспомнил, так расскажи, вместе посмеемся.

Приблизился какой-то белый.

— Русска?

— Yes, — ответил Саров.

— А я из Приштины, — сказал белый с мягким славянским акцентом.

— Сочувствую.

— Стиве, Стив по-здешнему.

— Привет, Степа, — Саров пожал протянутую руку, — а я Петр.

— Хорошее имя. Наше имя.

— Угу.

— За что тебя сюда? Нарушение иммиграционного законодательства? — Последние слова как от зубов отскочили, сразу видно — очень знакомый собеседнику оборот.

— Еще не знаю.

— А я — да. Теперь посадить могут. У них это легко.

— От сумы и от тюрьмы не зарекайся, — со вздохом сказал Саров по-русски, отвечая более собственным мыслям.

Но Стиве что-то понял, кивнул согласно.

— Да не посадят скорее всего, — решить поддержать его Саров, — вышлют.

— Если они всех высылают будут, самолетов не хватит. Только мексиканцев, их можно автобусом до границы.

Саров широко зевнул — господи, как спать-то хочется! Он посмотрел на часы. 23.56. Нет, эта чертова пятница никогда не кончится! Не его это день, нет, не его! Больше никогда!..

Тут он почувствовал, что Стиве дергает его за рукав.

— Тебя, похоже, — сказал он, показывая Сарову на полицейского у решетки «обезьянника».

— Эй, русский, выходи, — призывно помахивал дубинкой полицейский.

Саров инстинктивно схватился за ребра, которые противно ныли. Не от дубинки пока, ударился, падая, о камни во время задержания, но лиха беда начало. Но делать нечего, пошел на выход, замедляя шаг, чтобы переступить порог в счастливую или хотя бы нейтральную субботу, 14, авось повезет, и все неприятности останутся в прошлом.

Когда шел перед полицейским по коридору, руки сами собой сцепились за спиной — генетическая память. Привели в кабинет, точь-в-точь как изображают в фильмах, что американских, что отечественных. «Почему так получается, — отстраненно подумал Саров, — мент на копа не похож, а кабинеты у них одинаково унылы и загажены?» За столом с потрескавшейся столешницей, в белесых кругах, сидел немолодой коп, сержант или офицер, Саров так и не научился различать американские звания, перед ним бумажный стаканчик, накрытый крышечкой, наверно, с тем, что здесь называется кофе, и наполовину съеденный гамбургер на развернутой бумажной обертке. Коп показал на стул напротив себя, у стола, придвинул телефон:

— Один звонок.

Звонить Сарову было некому. Разве что Сэму и Володьке, но не отсюда же! Так что он отрицательно покачал головой. Коп явно изумился.

— Адвокат! — напомнил он едва ли не в первый раз за долгое время службы.

У Сарова не было не то что личного адвоката, но даже ни одного знакомого, так что он вновь покачал

головой. Впрочем, адвокат немедленно появился. Тут никаких сомнений: немолодой, но подтянутый, волнистые, с проседью волосы, уложены волосок к волоску, тонкий кожаный портфельчик с золотой монограммой, костюм сидит как влитой, дорогой, наверно, тут Саров не спец, но ботинки крокодиловой кожи, это он научился определять, свежая сорочка, тщательно повязанный галстук и платочек под цвет в нагрудном кармане пиджака, все это в полночь — адвокат, факт.

— Джеймс Уорвик, представляю интересы задержанного Питера Сарову, — отрекомендовался он и тут же повернулся к Сарову: — Надеюсь, вы еще не начали давать показания?

Саров ответил отработанным за последние минуты движением.

— Мне сдается, он не говорит по-английски, — сказал коп.

— Прекрасно говорит, — ответил адвокат, — вот мы с ним и поговорим. Вы проводите нас в специальную комнату или сами выйдете?

Коп пожал плечами, встал и вышел.

— Отличная работа, — сказал Саров и протянул руку: — Питер.

— Джеймс, — вновь представился адвокат, пожимая руку Сарова, — вы мне уже нравитесь, именно таким я вас себе и представлял. Я знаю, что вы натворили...

— Я ничего не натворил, — прервал его Саров, спокойно и твердо.

— Да, конечно, — поспешил согласиться адвокат, — я хотел лишь сказать, что посвящен в обстоятельства того, что вы творили. — Он улыбнулся, при-

нял ответную улыбку Сарова и продолжил: — Так что никакой дополнительной информации мне не нужно. И вообще, никакой информации не нужно, никому, вы меня поняли? — Он дождался очередного кивка Сарова, на этот раз утвердительного. — Вот и отлично. Сейчас мы оформим ваше освобождение под залог.

— Я не располагаю для этого средствами, — чистосердечно признался Саров, — равно как и средствами для оплаты ваших услуг. Извините, — он сокрушено развел руки.

— Это не ваши проблемы, — сказал адвокат, — все расходы берет на себя общество «Наследники Теслы», я действую по их поручению.

У Сарова от изумления глаза на лоб полезли, буквально, так что Джеймс остановился и с удивлением посмотрел на своего клиента.

— Похоже, для вас это сюрприз, — протянул он, — странно. Впрочем, дела это не меняет. В процессе обсуждения вашего освобождения под залог мы узнаем, что вам на самом деле инкриминируют, а по размеру залога определим, насколько серьезно относятся власти к этому делу. В любом случае завтра к полудню мы все решим, и вы выйдете на свободу, естественно, с некоторыми ограничениями.

— А интересы мисс Фрэнсис Клиффорд тоже вы представляете? — спросил Саров, не так чтобы совсем наобум.

— Да, — ответил Джеймс, — именно из-за нее я немного задержался, прошу меня извинить. Но это было минутное дело. У мисс Клиффорд — никаких проблем. Ей ничего нельзя инкриминировать, более того, мы можем настаивать на компенсации за неза-

конный арест и пережитый ею шок. Но это как захочет мисс Клиффорд.

— Я плохо знаю американские законы, а теперь совсем запутался, — сказал Саров, — с одной стороны, можно стрелять в человека, нарушившего границы частной собственности, а с другой — незаконный арест, как в этом случае.

— По-моему, все предельно ясно: мисс Клиффорд гуляла на своем участке и тут на нее...

— Да-да, я понял, — остановил адвоката Саров, — я упустил из виду, что это собственность мисс Клиффорд. А уж в своем лесу она может гулять в любое время, даже и ночью, играть в прятки и вообще делать все, что угодно.

— Вот именно! — радостно воскликнул Джеймс. — Я рад, что вы наконец поняли суть дела. Вы были гостем мисс Клиффорд и действовали с полного ее ведома, согласия и одобрения. Мисс Клиффорд не имеет к вам никаких претензий.

Он достал из портфеля лист бумаги, показал, не опуская на стол и не давая в руки, Сарову. Тот прочитал. Действительно, никаких претензий.

— А как там... ее дядя? — спросил Саров. — Надеюсь, здоров?

— Старое дерево долго скрипит, — ответил адвокат, бросая на Сарова одобрительный взгляд, — он, кстати, был у меня недавно, он ведь мой давний клиент, вчера был, нет, уже позавчера, ближе к вечеру, мы едва в банк успели, документы ему надо было в сейф положить, шкатулку с документами, она едва в банковскую ячейку вошла, а потом мы с ним поужи-

нали в ресторане. Он мне много всего интересного рассказал. Он хороший рассказчик.

Убаюканный этой речью и успокоенный сознанием того, что все у всех хорошо, а его проблема переходит в разряд мелкой неприятности, о которой можно будет вспомнить как-нибудь смеясь за столом, Саров едва не уснул. Джеймс поднялся, вызвал копа и бодро возвестил на прощанье:

— Надеюсь завтра увидеть вас на свободе!

* * *

Не увидел, ни завтра, ни в следующие несколько дней. То есть видел, но не на свободе. Джеймс навещал Сарова ежедневно, излучал оптимизм и веру в завтрашний день, когда уж непременно, но Саров чувствовал, что его дело — швах, что открылись какие-то новые обстоятельства, как пишут в детективах. Джеймс мрачнел и удваивал заботу, казалось, он все для своего клиента готов был сделать. Саров, впрочем, пользовался, без зазрения совести. Попросил, в частности, уладить все его дела в Лос-Анджелесе, в институте, в общежитии, собрать и перевезти личные вещи. Джеймс все дотошно расспросил, записал в свой органайзер, потом продиктовал текст доверенности. Вдогонку Саров попросил продать машину, было у него такое нехорошее предчувствие, что она ему в ближайшие годы не понадобится.

Джеймс все сделал. В один из его визитов Саров пристал к нему с настойчивыми расспросами, в чем затык. ФБР, коротко и нехотя ответил тот.

Стоило произнести вслух зловещую аббревиатуру,

как тут же ФБР и материализовалось, как будто только того и ждало. В какой-то степени это соответствовало действительности — специальный агент Флик, ведущий расследование, решил немного помариновать задержанного, чтобы был поговорчивее. Специальный агент Флик нутром чуял, что из этого дела можно выжать что-нибудь интересное в плане перспектив карьеры, но как-то не выжималось. Одна надежда оставалась: что этот русский интеллектуал испугается, как все интеллектуалы, ужасных тюремных условий и начнет сотрудничать со следствием.

Не на того напал. Этот русский совсем не выглядел испуганным, а на все мягкие подходы и посулы Флика отвечал смехом или короткими энергичными словами на своем тарабарском наречии. Пришлось сменить тактику. Добрый Флик, вникающий в положение подследственного и жаждущий вместе с ним найти достойный выход из создавшегося непростого положения, превратился в злого Флика, могущего и желающего испортить несомненно виновному всю оставшуюся жизнь. Если, конечно, он не проявит здравый смысл и добрую волю. Флик угрожал обвинениями в подготовке террористического акта, в попытке осуществления террористического акта, в терроризме, в связях с «Аль-Каидой» и Уго Чавесом. Вы опоздали на два месяца, спокойно парировал русский, у вас новая администрация, у нее другие приоритеты. Крыть было начем, тем более что новые приоритеты были пока покрыты туманом, как бы тут не ошибиться в плане перспектив карьеры. Тогда Флик нанес самый сокрушительный удар, он пригрозил выслать русского из Соединенных Штатов, на

историческую родину, где КГБ, коррупция, ущемление свободы слова и прав человека, выслать без права въезда на территорию Соединенных Штатов, выслать с волчьим билетом, мог бы сказать он, если бы знал это выражение. Высылайте, с какой-то даже радостью сказал этот странный русский, вы мне сэкономите деньги на билет. И добавил что-то по-русски.

— Идите вы все на хер! — вот что сказал Саров.

И сразу почувствовал себя намного лучше. Как будто решение принял. Принял — и все сомнения, раздумья, взвешивание за и против, все прочь отлетело. И дела как-то сразу на лад пошли. Тут верные признаки: Джеймс повеселел, а Флик помрачнел.

Через два дня Саров предстал пред печальные очи Флика.

— Вам знакома эта шкатулка? — спросил Флик, выкладывая на стол перед Саровым несколько фотографий.

Она, родимая. Отпираться бессмысленно, на ней отпечатки его пальцев в пять слов и снаружи и изнутри, а другой комплект отпечатков здесь где-то лежит, прокатили при задержании, да плюс в госдепе, заставили при последнем въезде.

— Я видел несколько похожих шкатулок, — ответил Саров.

— Но эту вы еще и открывали, — надавил Флик.

— Возможно, и эту.

— Эксперимент, во время которого вы были задержаны, связан каким-либо образом с документами, находящимися в шкатулке? — попытался огоршить неожиданным вопросом Флик.

— Какими документами? — спросил Саров.

— Бумагами Николы Теслы!

— Нет, не связан.

— Готовы утверждать это под присягой? Согласны пройти проверку на полиграфе?

В ответ Флик услышал уже известную ему недлинную фразу по-русски. Услышал и почему-то успокоился.

— Но вы просматривали эти документы? — спросил он.

— Да, именно для этого меня пригласила мисс Клиффорд.

— Вы эксперт по документам?

— Нет, я эксперт по Тесле.

— Ну и что в этих бумагах?

При этом вопросе в голосе и в лице Флика отразился неподдельный, неслужебный интерес, он стал похож на нормального человека, на обывателя, прикоснувшегося к какой-то тайне и силящегося ее понять. Вероятно, поэтому Саров ответил ему развернуто и по-житейски:

— Старческий хлам, беспорядочная смесь вырезок из газет, старых писем и записок, счетов, карандашных набросков каких-то схем и устройств, математических расчетов, сделанных на бумажной салфетке в ресторане, отрывочных набросков для мемуаров, рукописей старых статей, всего того, что обычные люди, не имея решимости выбросить этот мусор, складывают в коробку из-под обуви и запихивают на верхнюю полку антресолей.

— А-а-а, — разочарованно протянул Флик, — а-я-то думал...

Единственным уловом Флика в этом деле была

шкатулка, за которой ФБР охотилось шестьдесят пять лет. Зря, как выяснилось, охотилось, но это уже не его проблемы, он свой плюс заработал. За это он дал обязательство освободить русского. Нормальная сделка.

* * *

На следующее утро Сарова выпустили, вчистую, без залога и ограничений по передвижению. О чем ему и рассказал встретивший его Джеймс. За спиной адвоката маячили Сэм и Фрэнсис, несколько смущенные.

— Ты, Питер, того, давай без обид, — сказал Сэм, подходя к Сарову, — мы не хотели тебя подставить. Так получилось.

— Хотели как лучше, а получилось как всегда, — произнес Саров бессмертную фразу и тут же добавил: — Это цитата.

— Рейган или Джордж Буш-младший? — поинтересовался Джеймс.

— Нет, это наш бывший премьер-министр, — ответил Саров.

Джеймс с Сэмом рассмеялись, несколько натянуто, что Саров отнес на счет неудачного перевода.

— Ты, Питер, того, — вновь заговорил Сэм, — не думай, что мы тебя выбрали потому, что ты не наш и по временному контракту работаешь. Нам специалист был нужен, самый лучший, у нас-то, как ты, наверно, догадался, ничего не вышло. Хотя люди работали — о-го-го, не мне чета.

— Это я вас выбрала, Пьётр, — впервые подала голос Фрэнсис и с какой-то решимостью двинулась к Сарову, — специалист — это все так, но главным было

то, — она резко выдохнула, — что вы мне понравились. И по фотографии на вашем сайте, и потом, когда я специально в ваш университет приезжала.

— Если я правильно понял, это был эстетический выбор, — сказал Саров и широко улыбнулся.

* * *

Улыбка развеяла напряженность и смущение, все легко и весело заулыбались ему в ответ. А Сарову его слова напомнили об Опенкине, которому он все дни заключения хотел позвонить, но опасался прослушки и длинного Володькиного языка. Он посмотрел на часы. Поздновато, конечно, а в деревне рано спать ложатся, с другой стороны, Володька всегда был полуночником. Саров обратился к Джеймсу, он адвокат, он богатый:

— Пожалуйста, один звонок, в Австралию.

Джеймс вынул телефон, показал, как им пользоваться, Саров — то ведь так и не завел I-phone'a. Саров отошел в сторону, разговор был не для чужих ушей, пусть и не понимающих по-русски, напряг память, вспоминая номер, вспомнил, с этим у него всегда было хорошо.

Опенкин не спал, все эти дни не спал, если верить его словам.

— У меня все нормально, — успокоил его Саров, — жив, здоров.

— А чего не звонил?

— В тюрьме сидел.

— Как в «Мимино», помнишь? — рассмеялся Володька

— Точно. Ты как? Без последствий?

— Все хорошо. Даже установку не спалил.

— Чем занимаешься?

— Облтусов местных учить начал. И думаю, не податься ли домой?

— С чего это? Обрыдло?

— Это само собой. А тут Разумовский... Ну, ты его знаешь.

— Не просто знаю, работали вместе, — сказал Саров.

— Так вот он письмо прислал, зовет обратно. Там наверху решили объект реанимировать...

— Какой? — осторожно спросил Саров.

— Ну, там, где ты с Морозевичем подрался в студенческие годы. Вас еще в реку столкнули, чтобы охолонули.

С Морозевичем он дрался на студенческой практике, а практика была в открытой зоне объекта, который Саров даже в мыслях предпочитал не называть ни одним из имевшихся у него названий. Но главное, что объект располагался в Красноярском крае, в близости от реки Ангары, которую многие местные именовали Верхней Тунгуской.

— Помню, холодная была вода, — сказал Саров.

— В качестве компенсации за холодную воду предлагает очень даже сносную зарплату, по любым меркам. Он и твои координаты спрашивал, сказал, что по старым ты не откликаешься.

— Ну и глушь! — сказал Саров после некоторой паузы.

— Это с чем сравнивать, — со вздохом ответил Володька.

* * *

Улетал Саров из Денвера. В Нью-Йорк, потом сразу в Москву. Билет в один конец. Разговор с Опенкиным никак не повлиял на его решение, да и Разумовскому он не стал писать, прилетит в Москву — позвонит. Да — значит, да. Нет — значит, нет.

Тянуть было не в его правилах. Ближайший рейс, на который были билеты в Москву, был на третий день после его выхода из тюрьмы. На него и купил. Потому еще спешил, что с каждым часом его решимость ослабевала. Фрэнсис задержалась в Колорадо-Спрингс, задержалась ради него, как бы ему не задержаться, в свою очередь, ради нее. И что он будет здесь делать? И вообще, баловство все это, сегодня есть, завтра нет.

Сэм с Фрэнсис вызвались его проводить, на машине. Перед посадкой вручили подарки. Новый навигационный ноутбук заместо безвозвратно погибшего при эксперименте. Свернутый бумажный рулончик, мемориальный календарь, безошибочно определил Саров. Фрэнсис чмокнула его в щеку, сказала призывно и томно:

— Может быть...

— Может быть, — ответил ей Саров и отправился на посадку.

Гуд бай, Америка!

* * *

Часа через два после вылета из Нью-Йорка, маясь бездельем долгого полета и бессонницей, Саров решил посмотреть календарь, а ну как там какой-нибудь сюрприз. Календарь был тот же самый, но не-

много длиннее. На отрезанной когда-то Сэмом полосе было напечатано: «Наследники Теслы» и все полагающиеся реквизиты. Сверху фломастером было выведено: Питеру Сарову на память о Колорадо-Спрингс. Подписи Фрэнсис, Сэма и Джеймса, их Саров знал, а под ними почти до самого низу, оставляя свободным лишь изображение самого Николы Теслы, лепилось множество безымянных росчерков. И вдруг среди них опять мелькнула подпись Фрэнсис, размашистая, с энергично перечеркнутыми одной линией двумя f. Саров смотрел на эту подпись, располагавшуюся уже собственно на календаре, на числах месяца ноября, смотрел долго и, вероятно, менялся при этом в лице, потому что сосед обеспокоенно спросил его:

— Вам плохо? Могу ли я чем-нибудь помочь? Вызвать стюардессу?

— Спасибо, не надо, — ответил Саров, — все хорошо.

И он, наконец, оторвал взгляд от календаря, от числа 13, от 13 ноября, пятницы.

Глава 22

Черная пятница, ноябрь

Он воспроизвел все почти что в точности. Даже сторожка, которую он выделил для эксперимента, была бревенчатой, в одну большую комнату, как в Колорадо-Спрингс. С этим не было проблем. Сторожка располагалась на краю охраняемой зоны объекта, а это его епархия. Служебное подожжение для того и существует, чтобы им пользоваться. Вот Саров и поль-

зовался, утешая себя народной мудростью: дальше Сибири не сошлют. А он и так был в Сибири. Что же до оборудования, так он его даже не воровал, воровство — это когда за забор, а он туда ни ногой.

И друг любезный Володька Опенкин тоже все воспроизвел почти что в точности. Он так и не собрался в Россию, засосал австралийский быт, семья и коалы. Но на просьбу Сарова откликнулся с готовностью, у него опять были каникулы, опять летние.

Что нельзя было воспроизвести, так это расстояние. Но если соединить на глобусе Банбери с Колорадо-Спрингс, то линия как раз поблизости пройдет, более того, Саров почти точно посерединке оказывался. Надо было всего лишь длину волны вдвое уменьшить, все как доктор Тесла прописал.

Саров был полон решимости довести эксперимент до конца. Будь что будет, а дома и стены помогают. Да, собственно, чего бояться? Все, что делал Никола Тесла, было во благо, он не мог предложить ничего плохого или катастрофического. Хотя поостеречься, конечно, не мешало, технику безопасности никто не отменял.

Установку Саров включил в час ночи 13 ноября, так они заранее условились с Володькой. Со связью было плохо, поэтому Саров с некоторым напряжением следил за показаниями приборов, а ну как у Володьки что-то сорвалось. Нет, не сорвалось, с облегчением подумал он, когда перо самописца дрогнуло и медленно поползло вверх. Теперь оставалось только ждать. Сколько ждать, непонятно, ведь параметры изменили. Время от времени, не доверяя показаниям, Саров выходил на улицу, смотрел на темное небо.

И вот, наконец, прошел первый всполох. Все воспроизводилось. Отлично! Саров с нетерпением ждал продолжения, не переставая любоваться игрой света и красок. Как ни ждал, а все равно все случилось неожиданно.

Вдруг посреди всполохов на небе появилась яркая точка, которая, набухая и разрастаясь, стала стремительно приближаться к земле. За ней тянулся мерцающий, переливающийся хвост. «Метеорит!» — подумал Саров и на мгновение инстинктивно зажмурился. Он ждал сильного удара, но почувствовал только легкую вибрацию, да и та исходила от его дрожащих ног. «Уф, пронесло!» — выдохнул Саров и открыл глаза. Над сторожкой, от крыши до неба, стоял светящийся столб, в котором клубилась холодная плазма. Картинка держалась невероятно долго, секунды две или три, затем небесный конец столба поблек, потух, навалилась тяжелая космическая тьма и вдавила столб в сторожку.

Все закончилось внезапно, как гроза. Всполохи скатились к горизонту и там истаяли. На небе проступили яркие звезды. В наступившей тишине откуда-то издали доносилось жалобное поскуливание собаки.

«Вот и поэкспериментировали, — подумал Саров, — надеюсь, без глобальных последствий. Земную ось не сдвинули, очередным цунами Юго-Восточную Азию не затопили». Иронизировал, пытаясь подбодрить себя. Было все же как-то боязно, неизвестное всегда страшит. Не боятся только люди без воображения. С воображением у Сарова все было в порядке, вот ведь за минуту до этого точно определил светящийся столб как холодную плазму. Но что же там в сторожке? Не может же ничего не быть! Мы же вос-

питаны на законах сохранения всего и вся, ничто не может исчезнуть бесследно, ничто не может возникнуть из ничего, все перетекает из одной формы в другую... Хватит болтать, иди да посмотри! Пойду и посмотрю! Ну так иди! Уже иду, иду!

Саров с трудом оторвал ноги, вцепившиеся в землю, сделал первый неуверенный шаг, второй, разошелся. Под конец припустил бегом. И застыл как вкопанный перед чуть приоткрытой дверью сторожки.

— You have betrayed me once again!¹

Голос, слабый и скрипучий, доносился из-за двери. Пораженный Саров даже не сразу сообразил, что говорили по-английски.

— Я?! Тебя?! Обманул?! — сквозь наигранное возмущение проступала добродушная усмешка.

Второй голос тоже был слабый, но чистый и ясный. И какой-то звонкий. Казалось, что он шел не из сторожки, а наполнял все вокруг. Звенел воздух, или звенело в ухе у Сарова, тут не различить.

— Когда это я тебя обманывал? И в чем?

— Ты обещал мне сто пятьдесят лет жизни. Что, не так? Или ты скажешь, как Эдисон, что я не понимаю шуток? Что я не понимаю высшего юмора?!

— Не скажу, хотя мог бы. И между прочим, если ты еще не знаешь, сейчас две тысячи девятый год, тебе уже сто пятьдесят три, налицо перевыполнение обещаний. Нет чтобы спасибо сказать.

— Что?! — От возмущения в голосе первого собеседника пропали скрипучие нотки. — Я что — жил последние шестьдесят шесть лет?

¹ Ты опять обманул меня!

— С устным счетом у тебя всегда было хорошо. А я без калькулятора не могу.

— Не заговаривай мне зубы!

— Было бы что заговаривать... — усмехнулся второй собеседник. — А по поводу того, что случилось шестьдесят шесть лет назад... Ты ведь сам себя умирил, обидевшись на неблагоприятное человечество. Это был твой свободный выбор.

— Но ты обещал мне добавить остаток.

— Обещал, не отказываюсь. И выполняю обещание.

— Но я же старый! Я ощущаю себя еще более старым и немощным, чем тогда.

— По возрасту и ощущения. Тебе, позволю себе напомнить...

— Помню!

— Я ведь, друг любезный, тоже не молод, провалы в памяти стали случаться, вот тоже, как и ты, обиделся в свое время на род человеческий, неблагоприятный такой род оказался, а на что обиделся — не помню. Такая вот незадача!

— Ты меня обманул!

— Опять двадцать пять!

— Ты обещал мне молодость.

— Нет, не обещал. Активное долголетие, как сейчас говорят люди, обещал. Вот и работай. Я же работаю, не жалуясь.

— Я... обойду тебя! — крикнул первый собеседник.

— Ты хотел сказать — обману. Видишь, обмануть ты меня не можешь. А обойти можешь. Ты изобретательный. Даже интересно, что ты придумашь.

— Что я могу придумать?.. — Выплеснув себя в крике, первый собеседник вновь заговорил тихо: —

Мой дар — твой дар. Я был простым ретранслятором твоих идей, я просто воплощал в металле то, что ты показывал мне в видениях. Творец — ты, я — марионетка. Сверхчувствительная марионетка, резонирующая с твоим сознанием.

— Смирение — это хорошо. Смирение я люблю. В обычных человеках. Но ты не обычный, нет. Дар я тебе дал, это так. Я многих одариваю, да немногие умеют этим даром пользоваться. Растрачивают его попусту, на пустяки, на удовольствия, на потребу себе. Ты не таков. Ты честно выполнил договор. Я просто изумлялся, наблюдая за тобой, а я много чего видел в своей жизни, в сущности, я все видел. Но таких, как ты — не видал. Сколько идей! А как ты избегал соблазнов! Их не я тебе подкидывал, кто — ты, полагаю, догадываешься. Но и не я помогал тебе их избежать, это был твой свободный выбор. Деньги, женщины, власть — это ты все отмел. Тут ты не уникален, были и другие, немногие, но были. А вот соблазн стать благодетелем человечества, ох, непреодолим. Сколько людей, твоих лучших друзей, говорило: не разбрасывайся, сосредоточься на немногом, самом нужном, воплоти в жизнь хотя бы одну из своих великих идей, и благодарное человечество воздвигнет тебе памятники при жизни. Сколько и сколько раз говорили, а уж как часто нашептывали. Стоило тебе внять этому, и ты погряз бы в суете. Суете усердствований, доработок, строительства, продаж, конкуренции, прибыли, интриг, Нобелевских премий, благодарственных речей и торжественных банкетов. Ты щедро предоставил это другим, у которых был на это свой дар, у многих, не скрою, от меня. К сожалению, не у всех. От ме-

ня. Да-а... Ты остался верен идее, идеям. И идеи эти — твои и только твои. Что ты там сказал? Ретранслятор, резонирующая. Да я слов таких не знаю. Я все больше по планетам, по зверюшкам, по судьбе. Я не создавал мир, в котором есть переменный трехфазный ток. Это придумали вы, люди, это придумал ты! Ты еще много чего придумашь. Не сомневаюсь. Удачи тебе.

Раздался звук, похожий на звон лопнувшей струны. Сквозь него до Сарова донесся тихий шепот: «А подслушивать, молодой человек, нехорошо», — и воцарилась космическая тишина, даже собака умолкла.

Саров глубоко вздохнул, толкнул дверь, вошел в сторожку, осторожно заглянул в единственную комнату. Яркий неземной свет резанул по глазам, воздух при вдохе вдруг ожег легкие, ноздри сморщились от мерзкого, как из преисподней, запаха. Да нет, свет как свет, обычный, решил Саров мгновением позже, это после наружной темноты показалось. То же и с запахом, изоляция подгорела, всех дел-то. Хотя нет, есть еще что-то. Саров втянул носом воздух. Ну конечно же, озон.

Он обвел взглядом комнату. Все на месте: большая катушка, источающая тот самый мерзкий запах, но на вид целая; провод антенны, убегающий в потолок; временной декодер на монтажном столе — ненужная, судя по всему, игрушка. Вот разве что у большого постера на стене отклеился и завернулся нижний угол, как будто обнаженная красotka застеснялась и прикрыла ноги. Кресло у письменного стола так и стоит вполоборота, как он оставил его, выбегая. Черный свитер на подлокотнике. Саров поднял руку, по-

чесал грудь. Да нет, свитер вот он, на нем. Ничего на кресле не было, когда он вскакивал.

Саров сделал два шага вперед и остановился, сделав следующее открытие. На подлокотнике кресла лежала рука, облаченная в черный, чуть ворсистый рукав. Открыта была только большая кисть с невероятно длинными тонкими пальцами. Кисть казалась бестелесной, сквозь нее, как через лупу, виднелись мельчайшие пятнышки на обивке.

— И долго вы там будете топтаться?

Саров подпрыгнул от неожиданности, отпрянул назад, но потом решительно скакнул вперед и резко развернул кресло.

В нем, сгорбившись и уронив голову на грудь, сидел человек. Желтая и сухая, как папирус, кожа просвечивала на темени сквозь редкие седые волосы. Руки человека судорожно вцепились в подлокотники, он напрягся и с огромным усилием выпрямился. И сразу стал очень большим. Лицо поражало худобой, сходясь острым длинным клином от широких славянских скул к подбородку. Тонкий нос загнулся крючком над узкой прорезью безгубого рта. Кожа была покрыта россыпью маленьких коричневых пятнышек. Это был невероятно старый человек, Саров таких и не видел. Вот только глаза... Глаза, молодые и ясные, двумя стальными клинками впились в Сарова. Он не выдержал их испытующего блеска, опустил взгляд, прошелся им по стоячему воротнику сорочки с загнутыми уголками, по аккуратной повязанному шейному платку, по застегнутому на все — раз, два, три, четыре — пуговицы пиджаку, по идеальным стрелкам брюк

и уперся в остроносые, по моде последних лет, ботинки. В ботинки можно было смотреться, как в зеркало.

Во рту было противно сухо. Саров подвигал щеками, собирая слюну, сглотнул и тихо спросил:

— Откуда костюм?

— Это все, что вы хотите узнать?

Голос был тихий и скрипучий, но в нем проступала добродушная усмешка.

— Да. Для начала.

— Какой пылливый ум! Этот костюм я заказал у Аарона Либермана, всегда шейте костюмы у евреев, немалодых евреев. Я удовлетворил ваше любопытство?

— Да, спасибо. А...

— Все-все-все! Довольно болтовни. Нам пора работать! У вас есть парк?

— Э-э-э, у-у-у, — замялся Саров, — есть!

— Отведите меня туда!

— Мне кажется, что вы слишком слабы...

— Так отвезите! У вас есть кресло-каталка? Нет? Так отнесите! Вы же здоровый молодой человек.

На фоне этого старца Саров ощутил себя очень здоровым и очень молодым. Он подхватил кресло, но тут же поставил его обратно. Извлек почти невесомое тело, перенес на топчан, привалил к стене.

— Подождите одну минутку, — сказал он, — я сейчас все устрою. У нас в парке нет скамеек, но зато там есть снег. Холодно, — пояснил он.

Саров подхватил кресло и выбежал в сени. Принялся рыться на вешалке. Расправил большой тулуп — годится! Отложил в сторону. Взял телогрейку, вышел на двор, поставил кресло спиной к корпусам

завода, лицом к диким просторам, почти не загораживаемым рядами колючей проволоки. Разложил теглогрейку на сиденье — все теплее будет! — и отправился назад в дом. Закутал старика в тулуп, отнес в кресло, усадил поудобнее, нахлобучил на голову шапку-ушанку.

— Как хорошо! — сказал тот, оглядываясь. — Ночь, любимая ночь. Горы, снег, вечнозеленые ели. Как в детстве. Это то, что мне нужно. Сейчас. Ощутить себя молодым, юным, ребенком. Записывайте, молодой человек!

— Мне не на чем и нечем, — смущаясь, ответил Саров, который сам, первый почувствовал себя ребенком, несмышленым и недогадливым.

— Вы бестолковой моих секретарш! Ми-и-и-ис всегда ходили за мной с блокнотом и карандашом в руках. Другое дело, что я им ничего не диктовал. Серьезного. Вы еще здесь?!

Саров опрометью бросился в дом, схватил ежедневник, ручку, бегом вернулся обратно.

— Я готов!

Вот принесла нелегкая. В разгар
Видений моих дивных — мой подручный!
Всю прелесть чар рассеет этот скучный,
Несносный, ограниченный школяр! —

прошептал старик и, спохватившись, продолжил уже громче: — Да-да, хорошо. Вы записывайте. Я никогда ничего не записывал, я все держал в голове. О, сколько всего хранится в этой голове! — Он поднял руки, скинул шапку, провел рукой по волосам, разделяя их на прямой пробор и приглаживая в стороны. — И все это пропало вместе с головой. Слава богу, не

навсегда. Человечество не наделало бы столько глупостей, если бы знало десятую долю того, что я не успел передать. Мы больше не допустим такого прощета, не так ли?

— Не допустим, — поддакнул Саров.

— Ваше дело — записывать, — осадил его старик и вдруг начал декламировать, все повышая голос:

Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten!
Die früh sich einst dem trüben Blick gezeigt.
Versuch ich wohl, euch dismal fest zu halten?
Fühl ich mein Herz noch jenem Wahn geneigt?¹

— Маэстро, я не понимаю!

— Гете мало кто понимает!

— Я язык не понимаю!

— Так записывайте, когда начнете понимать! Господи, как же я не люблю ассистентов! Не мешайте мне!

Старик продолжил декламацию:

Ihr drängt euch zu! nun gut, so mögt ihr walten,
Wie ihr aus Dunst und Nebel um mich steigt;
Me in Busen fühlt sich jugendlich erschüttert
Vom Zauberhauch, der euren Zug umwittert.
Ihr bringt mit euch die Bilder froher Tage,
Und manche liebe Schatten steigen auf...²

¹ Вы снова здесь, изменчивые тени,
Меня тревожившие с давних пор,
Найдется ль наконец вам воплощенье,
Или остыл мой молодой задор?

² Но вы, как дым, надвинулись, виденья,
Туманом мне заставши кругозор.
Повлю дыханье ваше грудью всею
И возле вас душою молодею.
Вы воскресили прошлого картины,
Былые дни, былые вечера.

По мере того как он читал, страницу за страницей, без запинки, с ним происходили удивительные перемены: расправилась грудь и выпрямилась спина, бестелесный скелет оброс плотью, плоть наполнилась соками, загустели и засверкали в лунном свете волосы. Это иней, пытался убедить себя Саров, а порозовел он от свежего воздуха и холода.

Но последний бастион трезвомыслия рухнул, когда старик вдруг рывком поднялся с кресла и начал выхаживать по дорожке, с каждым шагом все более твердо и энергично. Из далекого леса вдруг вырвалась в небо маленькая черная точка, за ней вторая, третья. И вот они уже кружат над ними, три птицы, размером с голубя или сойку. За все недели, что Саров провел на Подкаменной Тунгуске, он ни разу не видел птиц ночью, только слышал как-то уханье филина. А старик ничуть не удивился. Он помахал птицам рукой и прокричал:

— Приветствую вас, друзья мои! Я вернулся, чтобы дать вам корм и чистый воздух. Дать всем, и вам, и людям. А еще я вернулся, чтобы победить старость. Думаете ли вы о старости? Нет, конечно. Вы — счастливые создания. А мы, люди, всегда думаем, обо всем, но больше всего о жизни и смерти. Мы хотим жить если не вечно, то долго. Но как этого достичь? Творец создал совершенный организм, бегущие в нас токи находятся в гармонии, мы черпаем энергию из окружающей среды и отдаем ее в виде работы. Но с годами каждый орган начинает петь свою песню, и от этого происходит какофония, которая называется старостью. Организм нуждается в настройке. В настройке по камертону вечно живой и вечно молодой

природы. И тогда все органы будут вновь работать в резонансе, в теле воцарится гармония и к человеку вернется молодость. Что для этого нужно сделать? Надо взять...

— Мазэстро, я не успеваю! — взмолился Саров, дую на озябшие пальцы.

— Я придумываю быстрее, чем вы записываете! Бог с вами, запоминайте. И кстати, обращайтесь ко мне впредь как подобает: мистер Тесла. Никола Тесла!

Генрих Эрлих
ЗАГАДКА НИКОЛЫ ТЕСЛА
НАУЧНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Издано в авторской редакции

Художественный редактор *П. Волков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *Т. Комарова*
Корректор *М. Пыкина*

ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15

Для корреспонденции:
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, 18/5
Тел.: (495) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 06.03.2009.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Европа». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 18,48.
Тираж 7000 экз. Заказ № 4902164

Отпечатано на ОАО «Нижполиграф»
603006 Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо», 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо»
зарубежными оптовыми покупателями обращаться в ООО «Дип pocket»**
E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales:
International wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd. for their orders.
foreignseller@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.**
E-mail: vrzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanс@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanс-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-68-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. gm.eksmo_almaty@arna.kz

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

НИКОЛА ТЕСЛА

Его величают гением, «пророком» и «повелителем Вселенной».

Его изобретения изменили мир и стали фундаментом современной цивилизации.

Ему приписывают невероятные открытия, способные не только осчастливить, но и погубить человечество; его подозревают в причастности к чудовищной катастрофе, известной как «падение Тунгусского метеорита», и создании поистине дьявольского оружия, страшных «лучей смерти», которые, по его собственным словам, в состоянии «расколоть Земной шар»...

Но Никола Тесла ненавидел смерть, поэтому изобрел еще и генератор «лучей жизни» – как воду живую и мертвую, как две стороны одной медали, как дорогу с двусторонним движением, пронзающую бесчисленные миры. И в свой последний день на Земле, 7 января 1943 года, великий ученый отправил зашифрованное послание будущим поколениям.

Сможем ли мы разгадать его скрытый смысл? Сумеем ли им воспользоваться? Узнаем ли главную тайну Николы Тесла? Решим ли его загадку?

Читайте новую книгу проекта «Рассекреченная история» – первый научный детектив о гениальном изобретателе!

